

Владимир
КОЛЫЧЕВ

Приказано умереть

БОЛЬШОЙ БРАТ

Колычев. Мастер криминальной интриги

Владимир Колычев

Большой брат. Приказано умереть

«ЭКСМО»

2005

Колычев В. Г.

Большой брат. Приказано умереть / В. Г. Колычев — «Эксмо», 2005 — (Колычев. Мастер криминальной интриги)

Командир роты морской пехоты Марат Крушилин не один год воевал в Чечне. Он привык к смерти – сам убивал «чехов», много раз видел гибель своих боевых друзей. Но больше «чехов» он ненавидел предателей. А тут предателем оказался... его командир, генерал Суходол, продавший чеченцам жизни десятков людей, послав батальон на верную гибель. Лишь чудом остался в живых капитан Крушилин. Выйдя из комы, Марат дал себе клятву отомстить продажному генералу за погибших друзей. Однако сделать это непросто – Суходол уже стал губернатором области. Да еще узнал, что уцелел единственный свидетель его предательства. Так что теперь капитан снова оказался под огнем...

Содержание

Глава первая	5
Глава вторая	14
Глава третья	26
Глава четвертая	35
Глава пятая	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Владимир Колычев

Большой брат. Приказано умереть

Глава первая

Свободная Ичкерия. Свободная от всяческих законов страна. Символ беззакония. Бандитская анархия в отдельно взятом регионе. Но как ни называй Чечню, по-любому, это печь, в которую снова сунули солдат и офицеров Российской армии...

Конец девяносто девятого года. «Чехов» уже прогнали из Дагестана, теперь война шла на территории самой Чечни. Как и в девяносто четвертом, российские войска довольно быстро прошли равнинно-степную часть. И снова в прицеле Грозный. Город, который как нельзя лучше оправдывал свое название.

Тогда, в девяносто четвертом, Марат Крушилилин был молодым лейтенантом, только-только из училища. Ему «посчастливилось» поучаствовать в кровавом штурм-шоу Грозного. Его взвод попал в самое пекло, и только неплохая выучка его бойцов спасла подразделение от полного уничтожения. Потери ужасающие – из тридцати двух человек личного состава в строю осталось всего четырнадцать. Семь человек – «груз 200», одиннадцать – «груз 300»...

Сейчас капитан Крушилилин командовал ротой отдельного разведбата морской пехоты. И снова он должен штурмовать Грозный. Что ждет его впереди? Худо, если повторение пройденного...

Из раздумий Марата вывел голос старшего лейтенанта Извекова.

– Комбат вызывает, пошли.

Эдуард Извеков командовал второй ротой. Толковый офицер. С боевым опытом. В девяносто шестом году был представлен к ордену. Но не получил: где-то затерялось его представление. Марата тоже к «Мужеству» представляли. Та же история. В штабах, как всегда, бардак. Правда, про себя «штабные» никогда не забывают. Ну да ладно, пусть будет у них грудь в крестах, лишь бы у «окопного» голова в кустах не оказалась...

На улице было темно, холодно и сыро, а в штабной палатке светло и тепло. Печка не чадит, не дымит. Старшина батальона Дергунов знает свое дело – для комбата у него всегда припасены сухие ольховые и осиновые дрова.

Майор Лымарев смотрел на ротных хмуро, исподлобья. Верный признак того, что подчиненным предстоит выход в поле. К тому же он только что вернулся из штаба объединенной группировки, а туда просто так не вызывают.

Сначала он ткнул пальцем в карту – обозначил высоту на ближних подступах к Грозному. Затем сказал:

– На этой высоте работают снайперские группы противника. По предварительным данным разведки, не более трех-четырёх групп. Задача – найти и уничтожить огневые средства противника...

Действовать предстояло в составе двух разведгрупп. Одну должен был возглавить капитан Крушилилин, вторую – старший лейтенант Извеков. Необходимо было под покровом ночи скрытым порядком подойти к высоте, обнаружить противника и разобраться с ним в ближнем бою. Всего ничего.

– А если там не только снайперы? – спросил Эдуард. – Все-таки высота не простая, стратегическая. Ключ к воротам города... Такой ключик под семью печатями держат...

– Вот на месте и разберется, – мрачно изрек Лымарев.

Похоже, он и сам понимал, что не все чисто с этой высотой.

– Задачу мне ставил генерал Суходол, – продолжал комбат. – Он уверен, что высота чистая, если не считать нескольких снайперских групп по два-три человека в каждой...

Генерал-майор Суходол был заместителем командующего объединенной группировки. Но ведь это не значило, что он всевидящий и всезнающий. Но свое мнение Марат решил оставить при себе. В конце концов, он боевой офицер и, если ему поставили задачу обследовать высоту, он должен действовать. Приказ в армии – святое...

Он получил задачу, уяснил и приступил к исполнению. Надо было собрать группу из десяти человек, экипировать ее, совершить марш-бросок на расстояние семь-восемь километров, затем еще километра два скрытного передвижения к огненным точкам противника.

Отдельный разведбат только назывался батальоном. По списку всего семьдесят человек, что недотягивало даже до штатной численности обычной роты морских пехотинцев. У комбата не было заместителя по тылу, вместо врача санинструктор из контрактников. Всего две роты. Если бы батальон сократился до такой численности в результате боевых действий – так нет, в таком составе он прибыл в Чечню из-под Мурманска. Ни у кого даже мысли не возникло укомплектовать батальон хотя бы до штатной численности роты. Потому как отправляли разведбат в Чечню под чисто российским лозунгом «И так сойдет!». И технику могли бы перед отправкой новую подкинуть, но нет, решили, что для выполнения боевых задач сойдут старые «БРДМ-2» одна тысяча девятьсот семьдесят шестого года выпуска.

Но, как говорится, нет худа без добра. Людей в батальоне мало, зато среди них нет ни одного солдата первого года службы. Все сержантские должности укомплектованы контрактниками. Для мирного времени бойцы подготовлены хорошо и пока что неплохо показывали себя в условиях реальных боевых действий. Правда, до серьезных боевых столкновений дело пока что еще не доходило. Так, пару раз в «зеленке» с «духами» столкнулись – постреляли и разошлись. Ну и еще несколько раз на марше колонну обстреляли из автоматов. Так это, по сути, обыденное дело.

Но сегодняшней боевой выход сулил настоящее дело. Нелегко обнаружить снайпера на позиции, еще трудней его уничтожить... А если на высоте не только снайперы? Правильно заметил Извеков, высота стратегически важная, и там должна быть сильная оборона.

Марат брал на выход самых лучших бойцов. Ребята стоящие, проверенные, на них можно положиться. А они в свою очередь должны быть уверены в своем командире. Но Марат не первый год замужем, он знает, что такое война...

Отца своего он вообще не знал, а мать помнил очень смутно. Ему было всего два года, когда ее лишили родительских прав, а его самого отдали в детский дом. Первое время она его изредка навещала, а затем исчезла. Навсегда. Сгорела в пьяном угаре. А он продолжал жить. В семь лет его перевели в спортивный интернат с военным уклоном. Гоняли их там до седьмого пота, драли по семь шкур. Зато кормили хорошо, строгая дисциплина не позволяла расслабляться. Сигареты под запретом, про спиртное и говорить нечего. После интерната – Суворовское училище, затем факультет морской пехоты Дальневосточного общевойскового училища. Словом, сколько Марат себя помнил, столько он и готовился к войне. Два года в Чечне, затем три года относительного затишья, теперь вот снова война. Он не был кровожадным убийцей, но всерьез считал, что война – это его стихия. И здесь, в зоне боевых действий, он чувствовал себя как рыба в воде...

На карте разведывательный выход обозначался линией карандаша. Сегодня эта линия составляла приблизительно десять километров. Но на карте все гладко, а на деле полно «оврагов» – прочесывание «зеленки», подъемы-спуски по хлябям пересеченной местности, форсирование ручьев и речек. И все это с полной выкладкой.

У разведчиков имелись бронежилеты, но на выход их брали крайне редко. Ведь главное оружие спецназа – быстрота и маневренность, а «бронники» значительно сковывают маневр. К тому же и без них багаж разведчика тянет на шестнадцать-восемнадцать килограммов.

«АКМС», два боекомплекта по четыре снаряженных магазина в каждом, нож разведчика, ручные гранаты, плюс подствольный гранатомет с боезапасом. Положен был еще сухпай на три дня, но это лишний груз. Вместо еды в боевых условиях разведчики предпочитали брать дополнительный запас патронов и гранат. И это не дешевая бравада, а очень важный элемент искусства выживать. В затяжном бою нехватка патронов зачастую может обернуться тяжелыми потерями, а для кого-то и гибелью.

Марат собрал группу, поставил задачу, дал время на подготовку к выходу. Перед отправлением проверил каждого бойца – чтобы снаряжение было тщательно подогнано, чтобы не было шума при движении. Когда все было готово, дал команду, и разведгруппа вышла в ночь. Вслед за ней отправилась и группа старшего лейтенанта Извекова.

В Чечне не было линии фронта, и почти невозможно было опередить, где «своя», а где «чужая» земля. «Чехи» относились к войне серьезно и особую активность проявляли ночью. Так что разведгруппы в любую минуту могли нарваться на вражеский отряд. Или «чехи» могли нарваться на них...

Но разведчики нарвались на своих. Это произошло в четвертом часу утра. Нежданно-негаданно группы вышли на боевое охранение разведроты мотострелкового полка. Тьма такая, что хоть глаз выколи, и одному только богу войны известно, как разведчики не перестреляли друг друга. Задорно-матерный обмен любезностями, энергичное братание родов войск сняли возникшую напряженность. Вскоре появился командир роты.

– Куда путь держим? – без особой надежды на достоверный ответ спросил капитан.

Но Марат от ответа увилить не стал. Он уже узнал, что мотострелковый полк держит оборону на подступах к той самой нужной ей высоте.

– Снайпера тебе нужны?! – ошалело посмотрел на него ротный Ушаков. – Да там, братишка, не только снайпера... Кто вам, на хрен, такую задачу ставил? Мы же, блин, доклады вали в штаб. Там же, нах, окопы в полный рост, вдоль и поперек. «Чехи» на позициях, человек триста, не меньше, батальон целый, считай. Огневые точки, минные поля, все как по книжке... А вы говорите снайпера...

Марат и Эдуард переглянулись. Сбывались наихудшие предположения.

– А точно в штаб докладывали?

– Ну а ты со штабом свяжись да узнай... Ну, бляха-муха, не армия, а цирк шапито какой-то...

Марат связался с комбатом, доложил обстановку. Лымарев в свою очередь вышел на связь с Суходолом, получил от него приказ и спустил его вниз. Да, действительно, данные об обороне противника на высоте имелись, но генерал требовал подтвердить их разведкой.

Крушилин сосредоточенно посмотрел на Извекова.

– Продолжаем движение. До обнаружения противника...

Ушаков непонимающе чесал за ухом.

– Ахинея какая-то. У нас же достоверные данные. Что там еще можно подтверждать?..

– Начальству видней, – пожал плечами Марат.

Если он и мог позволить себе обсуждать приказ командира, то лишь после его выполнения. А пока он в процессе – никаких вопросов и никаких сомнений. Он солдат, и этим сказано все.

К тому же разведка на то и разведка, чтобы искать и находить сведения о противнике, подтверждать ранее полученные данные. А подтвердить их не так уж и сложно. Тихой сапой подобраться к спящим боевикам, выдернуть одного из них, взять на буксир и домой. А с «языками» на войне не церемонятся, здесь уголовно-процессуальный кодекс не действует. Есть на вооружении методы убеждения, которым бы позавидовал сам Борман.

Ушаков показал на карте, как лучше подобраться к окопам противника. Движением пальца Марат обозначил линии прохода, спросил ротного насчет мин, но тот лишь пожал плечами.

– Ну, вчера, может, и не было. А как сегодня, не знаю. Они ж не спят, сволочи. А погода сами видите какая, ни зги не видно. Может, что-то и намудрили за ночь...

– Ладно, на месте разберемся, – Марат порывисто свернул и спрятал карту.

К позициям противника решено было пробираться двумя группами. Действовать независимо друг от друга, но, в случае чего, поддержать огнем и маневром.

Перед расставанием Марат легонько хлопнул Эдуарда по плечу.

– Ну, ни пуха.

– А, к черту!

У него был такой вид, будто он в самом деле отправлялся к черту на рога. Нервничает Извеков. А вроде бы и не новичок. Может, предчувствие гложет... Если так, то плохо дело. Перед боем солдат должен отключаться от всяческих фантазий, как корабль, когда он снимается с якоря и уходит в море. Худо, когда в голову начинают лезть дурные мысли. Марат умел отключаться и своих подчиненных учил тому же. Да и Эдуард тоже знает, как настраивать себя и своих бойцов на выполнение задачи, как концентрировать внимание на противнике. Он опытный боевой офицер, он не подведет...

Темнота – друг разведчика. Зимний холод и промозглость тоже ему на руку.

Это где-нибудь в Москве сейчас снег и мороз. А в Чечне в начале декабря снегом и не пахнет. Температура чуть выше нуля, но сырость такая, что и на тридцатиградусном морозе не так холодно. Дождь, слякоть... В такую погоду только разведчиков выгоняют на улицу. И улица эта проходит через чеченские окопы.

Холод Марату нипочем. Он родился в Хабаровске, учился в Уссурийске в Суворовском училище, затем – военное училище в Благовещенске, последние два года служил под Мурманском. И его бойцы не понаслышке знают, что такое северные морозы. В этом плане Чечня для них чуть ли не курорт. Только уж больно лютые «доктора» на этом «курорте». И лечат не касторкой, а свинцовыми пилюлями...

Разведчики торопились не спеша. Марата нисколько не прельщала перспектива оказаться на минном поле. Но и заикливаться на обнаружении мин тоже нельзя. Уже утро. Хорошо, хоть время зимнее – темнота держится долго.

Марат первым обнаружил мину. Это была растяжка, установленная на трех врытых в землю металлических кольшках. «Лягушка». Дернешь за растяжечку, чека взрывателя и откроется. Пороховой вышибной заряд подбросит мину на метр вверх и оторвет тогда служивому голову вместе с «красной шапочкой»...

Самоликвидатором эта мина не оснащается, элементов неизвлекаемости нет. Однако очень высокая чувствительность взрывателя делает разминирование крайне опасным. А обезвредить мину надо. Путь назад должен быть свободным.

Марат внимательно осмотрел участок минирования. «Чехи» не самые лучшие саперы в мире, но и дилетантами в минном деле их не назовешь. Вполне способны на то, чтобы установить «лягушку» на неизвлекаемость с помощью дополнительной мины-сюрприза... Но ничего такого Марат не обнаружил и приступил к обезвреживанию. Для опытного разведчика это не самое сложное дело...

По пути к вражеским позициям он обезвредил еще три мины – такую же «лягушку» и две обычные «эфки» на самодельных растяжках. Все тихо, без сучка и задоринки. Спят «сучки» в своих окопах, ни хрена не слышат. А если и не спят, то все равно ничего не услышат. Разведчики свое дело знают – продвигаются вперед бесшумно.

Не дал капитан Ушаков ясной картины насчет мин. Зато линию передовых окопов указал правильно. Марат первым подошел к ним. Дождался, когда к нему подтянутся все разведчики.

Затаился. Прислушался. Тишина вокруг. Только слышно, как шуршит капюшон на голове под каплями дождя. А «чехов» не слышать... Может, и нет их здесь. Но ведь окопы-то есть. К тому же в полный рост. Бруствер заботливо укреплен деревом. Возможно, и блиндажи где-то есть. Там «чехи» сейчас и отсыпаятся. Но ведь должны же быть выставлены «секреты»... Ночь. Тихо. И тревожно...

Марат бесшумно «втек» в окоп, за ним все остальные. И тут где-то недалеко рванула сигнальная мина. Спустя секунду послышался треск автоматных очередей, ухнули «подствольники», хлопнули гранаты... Группа старшего лейтенанта Извекова обнаружена. Завязался бой.

В воздух взвилась красная ракета. Извеков требует помощи. И Марат готов был помочь ему. Он может выйти в тыл обороняющимся «чехам» по траншеям сообщения, нанести удар и уже в составе двух разведгрупп отступить на исходные позиции. Он уже сориентировался, уже отдал команду вперед, когда сквозь шум боя услышал отборный мат на чистом русском языке. Это по тем же траншеям на помощь своим бежала группа боевиков.

– Мать твою, что за хрень? – орал кто-то из «духов».

Видимо, подбадривал себя и других.

А «дух», судя по всему, славянского происхождения. И его спутники – отбросы той же породы.

Марат развернулся лицом к опасности, опустил на одно колено на дно окопа, взял на изготовку автомат. Его подчиненные также присели, готовые к бою. И когда на них выскочили наемники, встретили их дружным огнем. Два боевика были убиты, остальные обратились в бегство. Марат бросил своих разведчиков в погоню. Сам первым нагнал и сшиб с ног наемника, сокрушительным ударом в затылок выбил из него сознание. И уже после этого вскинул автомат, чтобы ударить вдогон по паникерам.

Он нисколько не жалел славянских мужиков, позарившихся на фальшивые чеченские баксы. Они сами приехали сюда за смертью, вот пусть и огребают... Вслед за отступающими летели трассеры и ручные гранаты. Сколько наемников полегло, Марат не считал. Не до того. Главное, что отряд поддержки разгромлен. И можно не опасаться за свои тылы.

Он развернул своих подчиненных и бросил их на помощь товарищам. Совместными усилиями двух групп были уничтожены пулеметное гнездо и несколько автоматчиков.

Извеков был жив. Но погибли два солдата и еще трое были ранены. Как он умудрился попасть впросак, Марат разбираться не стал. Нужно было уносить ноги, пока «чехи» не подтянули к месту основные силы. И без того их огонь усиливается...

Группа Извекова, под завязку загруженная убитыми и ранеными, отходила. Группа Марата ее прикрывала. Пленного боевика тащили на себе. Все четко, организованно. Темнота и сложный рельеф местности мешали «чехам» вести прицельный огонь. Да и разведчики отстреливались ожесточенно. Стреляли и медленно откатывались назад.

Они уже были достаточно далеко, когда «чехи» обстреляли их из минометов. Вспомнили про «самовары», что называется. Но темнота снова сыграла на руку разведчикам. Несколько мин шлепнулось далеко в стороне от них. На этом все и закончилось.

Разведчики втянулись в расположение мотострелкового полка. Раненых бойцов передали на руки полковым врачам. Убитых оставили, чтобы затем переправить в расположение своей части. Им-то ничем уже не можешь.

Марат связался с комбатом, доложил обстановку. Лымарев потребовал срочно доставить к нему «языка». Впрочем, это было понятно и без приказа. Как было понятно и то, что с пленным не мешало бы поработать на месте.

Это был мужчина лет тридцати. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза, выдающиеся скулы. Тип лица – славянский, волосы светлые. Рост – чуть выше среднего, жилистый. Натовский камуфляж, но на рукаве шеврон «Российские Вооруженные Силы».

Пленник пришел в себя, но ненадолго: Извеков не выдержал, схватил его за грудки, подтянул к себе и ударил головой в переносицу.

– Падла! – зло сквозь зубы процедил он.

Марат его понимал. Мало того, что эти оборотни позорят славянское племя, так они еще и мародерствуют в чеченских селениях. Грабят и убивают мирных жителей они, а вся ненависть достается русским солдатам. Хотя федералы тоже не ангелы в этом плане, но это уже другой разговор.

Была б его воля, он бы не стал избивать подлеца. Он бы просто его убил. И дело даже не в ненависти, просто есть на войне такой закон – что заработал, то и получи.

Наемника привели в чувство. Марат занялся им лично. Он не бил его, не материл, но смотрел на него тяжелым, убийственно-пронзительным взглядом. Наемника трясло как в лихорадке. В глазах животный страх, губы дрожат.

– Фамилия? – жестко спросил Марат.

– Цыганчук, – через силу выдавил из себя «язык».

– Хохол, да?

– Да. Из Днепропетровска я.

– Цыган ты. Без роду без племени... наших солдат приехал убивать, сволочь?

– Не убивать. Просто... Меня приятель с толку сбил. Сказал, что Хаттаб поварам хорошо платит...

– Ты, что ли, повар? – скривился Марат.

– Да. Повар четвертого разряда. Я в Днепропетровске в кафе работал. Платили мало...

– Ты кого лечишь, гнида? – взвился Извеков. – У тебя мозоли на указательном пальце... –

Он вскинул автомат и наставил ствол на пленника. Угрожающе процедил сквозь зубы: – Только скажи, что от поварешки!..

– А-а, нет, не от половника, нет, – с ужасом смотрел на него «язык». – От автомата... Я стрелял, да. Но стрелял в воздух. Не по своим, нет!

– Это кто свои? Мы?! – взъярился Эдуард. И резким движением передернул затвор автомата. – Ах ты, гнида!!!

Марат посмотрел на него и понял, что старлей не шутит. Он в самом деле мог выстрелить. Пришлось его останавливать.

Он отвел рукой ствол автомата и зло посмотрел на пленника:

– Твое счастье, что тебя живым приказано доставить.

– Да приказано, – криво усмехнулся Извеков. – Только по пути мало ли что может случиться...

– Это верно, – подтвердил Марат. – Можем и не довести живым. Скажем, что «духи» обстреляли, а пулю только ты один поймал... Так что хочешь ты этого или нет, а придется тебе нас задабривать...

– Что я должен делать? – заколотился «язык».

– Ясное дело, что не танцевать... Сколько «чехов» на высотке окопалось?... Кто командир?

Хохол очень хотел жить, а спасти его сейчас могла только правда.

Отрядом боевиков заправлял небезызвестный полевой командир Мирза. Точного количества боевиков «язык» не знал, но уверенно предположил, что не менее четырех сотен. Оборона эшелонирована, есть даже бетонные дзоты. Много оружия – минометы, гранатометы, пулеметы, автоматы, огромное количество боеприпасов. Он даже смог показать на карте пять стационарных огневых точек – два дзота и три минометных гнезда...

– Смотри, если это липа, я тебя лично в расход пушу! – пригрозил Марат.

В обратную дорогу разведчики отправились утром. Настроение ни к черту. Два трупы – это много. Да и один из раненых висел на волоске от смерти...

В расположении части разведчиков ждал сам генерал Суходол. Высокий статный мужчина лет сорока пяти. Благородная седина на висках, широкий лоб, суженный подбородок, густые щетинистые брови, широкий нависающий нос. Мрачный въедливый взгляд. Глаза не злые, но какой-то демонический огонек в них...

Генерал лично принял рапорта командиров разведгрупп.

– Ну что ж, хорошо поработали. Разведали обстановку, взяли «языка», – подытожил он.

На этом разговор был закончен. Генерал забрал с собой пленного и под усиленной охраной отправился в штаб группировки.

Вечером этого же дня по засвеченным квадратам и огненным точкам противника отработала артиллерия. А на следующий день в расположение батальона снова прибыл генерал Суходол. Он был мрачнее тучи.

– «Язык» дал неверную информацию, – сообщил он. – По данным артиллерийской разведки, указанные им огневые точки не существуют...

Он говорил, а сам пронзительно смотрел на Марата. Как будто он был виноват в том, что боевик слил ему дезу.

– Из этого следует, – продолжал генерал, – что неверна информация и о численности боевиков, обороняющих высоту... Я не удивлюсь, если высоту держат не более двух десятков боевиков... Что вы на это скажете, товарищ майор?

Он обращался к Лымареву, а смотрел на Марата. Нашел виновника...

– Вряд ли, – покачал головой комбат. – Высотка отлично укреплена. Окопы в полный рост, ходы сообщений, блиндажи. Для двух десятков боевиков это слишком. Захваченный наемник мог обмануть нас в другую сторону. Может, на высоте не четыреста, а тысяча боевиков?..

– Не надо создавать паники, майор, – поморщился Суходол.

– Я не паникую, – удивленно посмотрел на него Лымарев.

Он явно был не прочь сказать ему куда более резкое словцо, но сдержался.

– Вот и хорошо, что не паникуешь, – усмехнулся Суходол. – Готовьте разведгруппу, товарищ майор. Сегодня ночью снова отправитесь на место. И тщательно все разведаете. Мне нужно знать точное количество боевиков, засевших на сопке!

Генерал уехал, а офицеры батальона остались в недоумении. Лымарев нервно закурил.

– Ералаш какой-то, – зло сказал он. – Ясно же, что боевиков на высоте много. А если мало, что с того? Чем меньше, тем лучше...

Марат тоже не совсем понимал, зачем нужен дополнительный разведрейд. И без того ведь ясно, что высота отлично укреплена. Да и как узнать точное количество боевиков – по головам их, что ли, считать?

Но приказы начальства не обсуждаются. И группа капитана Крушила снова отправилась в ночь. Но уже на подходе к высоте разведчики попали под ураганный минометный огонь. Марат завернул группу обратно.

И снова потери. Двое убитых, и шесть человек получили ранения – трое из них попали в разряд тяжелых и немедленно были отправлены в госпиталь. Двое попали в медсанбат, и только один остался в строю с легким касательным ранением в предплечье.

Уже утром на командном пункте группировки лежало донесение капитана Крушила, где были указаны координаты обнаруженных минометных батарей. Но Суходолу этого показалось мало.

В группе Марата было десять бойцов, осталось только трое. Но еще в его подчинении была целая рота – чуть более тридцати душ. А генерал отдал приказ – собрать новую разведгруппу и отправить ее в тыл к закрепившимся на высоте боевикам. Задача прежняя – выявить расположение и численность сил противника.

– И чего он к тебе привязался? – недоуменно посмотрел на Марата комбат.

– Информация моя не понравилась, – мрачно усмехнулся тот.

Он и сам не понимал, что происходит. Можно было предположить, что генерал возвел его в разряд своих личных врагов. Но ведь это полный абсурд. Если он в чем-то провинился, Суходол мог наказать его в уставном порядке. А отправлять его на смерть – такого наказания в уставе еще не придумано.

На исходе того же дня он снова отправился к залятой высоте. На этот раз Марат не позволил себя обнаружить. Под покровом ночи пробрался в тыл к противнику, составил, насколько можно было, подробную схему расположения узлов обороны.

Но незаметно уйти не удалось. Боевики обнаружили разведчиков, и в воздух тут же взвились осветительные ракеты. К счастью, Марат держал про запас спланированный на пожарный случай маршрут отступления. Он не растерялся и быстро повернул группу назад. Мастерство командира и умение уходить в отрыв спасло разведчиков. Беспорядочный огонь боевиков не смог их остановить. И к тому времени, когда к делу подключились пулеметы и минометы, вся группа уже бежала по дну неглубокой извилистой балки, которой, кстати сказать, на карте не было. Хорошо, что Марат ее обнаружил, когда подбирался к окопам противника... И все же трое бойцов получили ранения. К счастью, ранения не были серьезными.

Он снова вернулся в расположение батальона, снова доложил на командный пункт о результатах разведки. И снова замер в ожидании очередного дурацкого приказа.

А приказ не заставил себя долго ждать. Батальону майора Лымарева была поставлена задача провести разведку боем, выбить противника с высоты и закрепиться на ней.

Это означало, что разведчиков решено было использовать в качестве штурмового подразделения. Постановка таких задач предусматривалась боевым уставом, но на практике использовалась в исключительных случаях, когда дела на фронте обстояли из рук вон плохо. Но ведь в распоряжении командующего группировкой есть штурмовые подразделения, которые могли бы взять высоту без участия разведчиков. Ни один умный командир не станет жертвовать своей разведкой ради сиюминутной выгоды. Можно положить разведбат и захватить высоту, но ведь война на этом не закончится. А без разведки армия глуха и слепа, мало того – обречена на поражение. Может, именно к этому и стремится генерал Суходол? Если так, то почему? Может быть, потому, что как сухопутчик не любит военно-морской флот? Ведь разведбат майора Лымарева представлял отдельную десантно-штурмовую бригаду морской пехоты. Его можно и под нож пустить, чтоб не маячил бельмом на глазу. А в распоряжении объединенной группировки есть подразделения сухопутной разведки...

Впрочем, Марат сомнениями себя не мучил. Приказ есть приказ, и он готов его выполнить.

Операцией руководил командующий группировкой, а не его заместитель генерал Суходол. Может быть, именно поэтому перед штурмом была проведена грамотно спланированная артподготовка. Сначала над позициями появились «вертушки». «Крокодилы» «Ми-24» точно отработали по заданным квадратам, затем в дело вступила артиллерия – орудия и реактивные установки. Высоту долбили долго и упорно. Все как «по книжке». Камня на камне не оставили. И только затем в бой пошла разведка морской пехоты.

Большая часть боевиков была уничтожена в результате авианалета и артобстрела. Уцелевшие наемники были ошеломлены и морально подавлены. Пока они выбирались из-под завалов, приходили в себя, батальон майора Лымарева вплотную подступил к их позициям. Бойцы спецназа действовали умело и слаженно. Деморализованные боевики не смогли организовать серьезного сопротивления и были полностью разгромлены в коротком ожесточенном бою.

В этом бою разведбат морской пехоты понес потери – трое убитых, семь раненых. Что ж, для такого боя потери вполне оправданные. Но как можно было оправдать ту штабную дурь, которая накануне толкала разведгруппы на повторную и в принципе не нужную разведку? Ведь и так было ясно, что высота забита боевиками до отказа. А схему обороны и расположение

огневых точек можно было высветить с воздуха, для этого есть авиация. Да и точное количество боевиков, в сущности, не имело значения. Артподготовка все равно бы свела их счет до минимума...

Но нет, разведчиков упорно толкали в адов котел. Сколько убитых, сколько раненых... И есть ли этому оправдание?

Глава вторая

Новенький серебристый «RAV-4» не просто ехал, а как будто парил над землей. Мягкий убаюкивающий ход, легкое управление, возбуждающий запах кожи. Олеся даже не включала музыку, желая насладиться едва уловимым шумом колес... Давно она хотела такую машину, и наконец-то она смогла ее себе позволить.

В Ялту пришла весна. Все вокруг цветет и пахнет – сады, деревья, люди. Волнующие запахи воспринимаются не столько обонянием, сколько сознанием, затрагивают природные инстинкты. На душе апрельское томление, сердце замирает в предчувствии праздника любви... Олеся чувствовала, что окончательно пробудилась от зимней спячки. Только, в отличие от других людей, ее «зима» тянулась не месяцы, а целые годы. Душа оживала и, как распутившийся цветок, тянулась к солнцу. И так хотелось верить, что это весеннее солнце светит для нее...

На Московской улице возле гостиницы «Крым» она заметила парня. Роста ниже среднего, худой, узкие плечи, впалая грудь. Лицо смазливое не назовешь, но глаза большие, женственно-красивые, бархатистые ресницы. Кожа лица нежная, вряд ли она уже познала острие бритвы. Одет обычно – кожаная жилетка поверх белой футболки, темно-синие джинсы, кроссовки. Все с дешевого вещевого рынка. У Олеси быстрый взгляд, ей хватило одной секунды, чтобы составить представление об этом молодом человеке.

Парень махнул рукой, пытаясь остановить проезжавшую мимо «девятку». Мимо. Приподнял руку, чтобы остановить джип. И тут же опустил. Обычно на *таких* машинах не таксуют. Но Олеся остановилась. Разумеется, оплата проезда ее нисколько не интересует. Ее интересует другое...

Он неуверенно открыл дверь, робко просунул голову в салон.

– Мне бы на автовокзал...

– Поехали, – обнадеживающе улыбнулась Олеся.

Парень взбодрился, расцвел, вполне уверенно забрался в машину. Но не развалился в кресле, как это делают лихие мачо. А именно героем-любовником ему и хотелось казаться. Хотелось, да не получалось. Не было в нем естественной раскованности.

Автовокзал находился на той же Московской улице. Ехать недолго.

– Далеко собрался? – весело спросила Олеся.

– Да в Симеиз надо... Друг у меня там живет... Ну, не друг, приятель... Серега у нас в Питере в прошлом году гостил, ну, мы познакомились. Он мне адрес оставил...

– Значит, ты из Питера.

– Ну да. Вот, в Ялту приехал отдохнуть. На пару недель... Хорошо здесь у вас.

– Не жалуемся, – улыбнулась Олеся.

Парень все больше нравился ей. При всех своих недостатках он обладал только ей одной ведомой притягательной силой.

– До Симеиза не так уж и далеко, – сказала она. – Но пока ты автобуса дождешься... Если хочешь, я тебя прямо к месту отвезу.

– А-а... А сколько это будет стоить? – замаялся он.

– Нисколько... Просто у меня сегодня хорошее настроение. И дел никаких... Да и машина новая. Надо обкатать...

– Да, машина у вас классная...

Он недоверчиво покосился на Олесю. Что ж, его нетрудно было понять. Таких, как он, в Украине называют зачахликами заморущими. А она девушка видная, красивая, стильная. И далеко не бедная. Студия красоты, фитнес-клуб, дорогие бутики – это неотъемлемая часть ее среды обитания.

– Меня Олеся зовут. И совсем не обязательно обращаться ко мне на «вы». Или я для тебя старая тетка?

– Ну что вы! – запротестовал он.

На вид ему лет восемнадцать, максимум – девятнадцать. Ей же все двадцать восемь. Выглядит она молодой для своих лет, этого не отнять. Но все же...

– Я же даже старше, чем вы!

– Даже? – насмешливо повела бровью Олеся.

– Ну да, мне двадцать, а вам восемнадцать. А разве нет?

– Спасибо за комплимент, – польщенно улыбнулась она.

Комплимент хоть и топорный, но ведь он имел место быть. И ей было приятно его услышать.

– Может, скажешь, как тебя зовут?

– А-а... Кирилл я...

– Ну что ж, Кирилл, едем в Симеиз. К твоему другу... Кстати, он знает, что ты к нему едешь?

Олеся почему-то была уверена, что его никто не ждет.

– Да нет, не знает, – смущенно пожал плечами Кирилл. – Я только его адрес знаю, а номер телефона нет...

– Так что ж, ты к нему как снег на голову свалишься? А если ему не до тебя?

– Ну, может быть. А что делать? Хорошо у вас в Ялте, да скучно одному. Если бы я с кем-то приехал, а так один...

– С девушкой какой-нибудь познакомься.

– Ну, я не знаю... Я только три дня как приехал...

– Три дня как раз достаточно, чтобы познакомиться с девушкой...

– Ну, я как-то не успел...

– А разве я не девушка? – с веселым возмущением в глазах посмотрела на него Олеся. – Разве ты со мной не познакомился?.. Зачем тебе какой-то приятель, если есть я, а? Ты так не считаешь?

Кирилл был так ошеломлен, что не смог сказать в ответ ничего вразумительного. Что-то проямлил себе под нос... Слишком хороша была для него Олеся, и он это прекрасно понимал. Зато она сама этого понимать не хотела. Нравился ей Кирилл, и все...

– А к твоему приятелю мы все же поедем, – успокаивающе улыбнулась она.

И взяла курс на Симеиз.

Кирилл постарался взять себя в руки. И чем больше километров оставалось позади, тем увереннее себя он чувствовал.

Его приятель Серега жил недалеко у моря, в небольшом частном доме. Улица утопала в белом цветении садовых деревьев. Пахло весной и молодостью. В небе кричали чайки. Но мирную идиллию нарушала компания молодых людей. Четыре великовозрастных охламона сидели за вкопанным в землю столом в нескольких метрах от того места, где остановилась машина. Разумеется, ребята не могли ее не заметить. Но если бы они смотрели на джип только с удивлением, так нет, в их взглядах читалась какая-то непонятная угроза. На столе бутылка дешевого вермута, стаканы. Все понятно.

Кирилл вышел из машины гоголем. Во взгляде дешевые понты, нос неубедительно задрал кверху, походка бравирующего, но не совсем уверенного в себе человека. Но сам себе он казался крутым перцем. Олеся сопровождала его умиленной улыбкой. Он был такой смешной, этот Кирилл. И такой по-детски беззащитный.

Среди бухающих охламонов находился его приятель Серега. Кирилл помахал ему рукой. Тот поднялся. Но на его лице не улыбка, а какая-то злобно-презрительная гримаса.

– Привет, Серега! – поздоровался с ним Кирилл.

Но тот не ответил на приветствие. Вместо этого спросил:

– Ты откуда взялся?

Боковое стекло было опущено, поэтому Олеся могла слышать разговор. Она уже поняла, что Кириллу здесь, мягко говоря, не рады.

– Да вот, в Ялту приехал. К тебе решил заглянуть...

– Адрес откуда мой узнал?

– Ну, Ленка дала, – пожал плечами Кирилл.

– Да? Больше она тебе ничего не дала? – мерзко хохотнул Серега.

Внешность типичного неандертальца. Узкий и низкий лоб, мощные надбровные дуги, тяжелая нижняя челюсть. Косматый, небритый. Одет кое-как – старая джинсовая куртка, затертые шорты, тапочки на босу ногу. В руке меж пальцев дымящаяся сигарета без фильтра.

– А мне дала, гы-гы... Вот если б она приехала, был бы класс... А ты на хрена приперся. Может, ты тоже мне хочешь дать?

Парни за столом гнусно скалились.

– Или ты думаешь, что если на крутой тачке подъехал, то пальцы веером можно кидать, да?.. – продолжал наезжать на него Серега. – Что там за телка, а?.. Может, она хочет нам дать?

Олесю покоробил тон, которым о ней говорили. И гнусный похотливый взгляд косматого грубияна вызывал омерзение... И зачем она сюда приехала? Ведь было у нее предчувствие, что эта поездка добром не закончится...

– Да пошел ты! – психанул Кирилл.

Он резко повернулся к Сереге спиной и направился к машине. Надо было только видеть, сколько обиды и горечи было в его глазах. И обижен он был не только на недоношенного Серегу. Он был обижен на весь род человеческий. Никто его не воспринимал всерьез в этом мире.

Он уходил, но Серега догнал его, схватил за плечо, с силой развернул к себе.

– Ты кого послал, чмо? – зло рыкнул он и наотмашь ударил его кулаком в живот.

А Кириллу много и не надо, его соплей перешибить можно. Он скорчился от боли, сложился в пояс. А Серега схватил его за шкуру и под хохот своих дружков дал ему пинка.

Олеся не выдержала, схватила сумочку и вышла из машины. Красивая эффектная блондинка в модном брючном костюме, она произвела на толпу определенное впечатление. Нездоровое восхищение и похабные взгляды. Первым наехал на нее Серега.

– Во! Ля! Вылупилась! – ткнул он в нее пальцем.

И попер вперед, как бык на красную тряпку. Руки раскинуты – он собирался сгрести Олесю в охапку. Она подпустила его к себе поближе и неуловимо быстрым движением выбросила вперед ногу... Серега с воем схватился за отбитое хозяйство, но тут же выпростал вперед правую руку, чтобы схватить Олесю за горло. Но его рука оказалась в жестком захвате. Полушаг вперед и в сторону – кисть на изломе. Рывок, подсечка, и Серега с визгом целует землю. Он уже не опасен. Но его дружки вскочили из-за стола.

Олеся занималась тхеквондо и дзюдо – пять лет кряду в интенсивном режиме. Она могла бы разбросать толпу этих недоумков. Но не было желания напрягаться. Да и женские туфли не самая лучшая обувь для единоборств.

Она попросту сорвала с плеча свою сумочку, вытащила оттуда никелированный малогабаритный «браунинг», наставила его на толпу. Недоросли остановились как вкопанные. Один даже поднял руки.

– Э-э, ты чего? – спросил второй.

Олеся ничего не сказала. И ее взгляд ничего не выражал. Ни злобы, ни агрессии. Какое-то сверхъестественное спокойствие на фоне космической пустоты. Сила и уверенность...

– Ты это... – промямлил третий охламон. – Ты езжай, мы ничего...

Олеся посмотрела на изумленного Кирилла, движением свободной руки показала ему на машину. Сама села за руль. Никто им не препятствовал, и они покинули столь негостеприимный для них городок.

– А-а, ты... Ты карате занималась? – спросил Кирилл.

Он был жалок, но вместе с тем трогателен в своей беспомощности.

– Что-то в этом роде, – покровительственно улыбнулась ему Олеся.

– А пистолет?

Вместо ответа она потянулась к пачке «Vogue», вытащила сигарету, поднесла ее ко рту. А затем взяла пистолет и нажала на спусковой крючок. Из ствола пыхнуло пламя, которым она зажгла сигарету.

– Так это зажигалка! – зашелся в восторге Кирилл.

– Всего лишь зажигалка, – кивнула она.

– Но ведь они-то думали, что у тебя настоящий пистолет.

– Потому что я им это внушила... А себе внушила, что могу справиться с ними. Вот я с ними и справилась...

Он понял, что это камень в его огород.

– Ты внушила себе, а я нет, – с кислым видом сказал он. – Не успел настроиться... Но ты не думай, я этот случай просто так не оставляю...

Олеся посмотрела на него и выгнула правую бровь знаком вопроса.

– Ты еще не знаешь, какие у меня друзья в Питере! – расхохорился Кирилл.

Высоко вскинул голову, расправил хлипкие плечики. Обтрепанный воробей пытался выглядеть благородным орлом. Олесе было забавно за ним наблюдать. Забавно, но не более того. Ни раздражения, ни презрения.

– И какие у тебя в Питере друзья?

– Знаешь, какие крутые, о!.. Я тебе по секрету скажу: они у меня киллеры!

– О! В самом деле круто! – Ей стоило труда, чтобы сдержать наползающую на губы усмешку.

– Не то слово... Я Вове скажу, так он этого Серегу на части порвет.

– И отомстит за тебя, – добавила она.

– Отомстит! – запальчиво подтвердил он.

Олеся несколько не сомневалась в том, что Кирилл врет без зазрения совести. Нет у него никаких друзей киллеров. У него вообще нет друзей. Есть только приятели, и то большую часть из них составляют такие вот ухари, как Серега. Вернее, он сам считает их приятелями, хотя те презирают его и унижают – по праву сильного над слабым... Нет у Кирилла друзей, изгой он по жизни.

– А может быть, хватит того, что я за тебя отомстила? – мило улыбнулась Олеся.

Друзей киллеров у Кирилла не могло быть по определению. Потому что настоящий киллер может быть кому-то другом только в том случае, если этот кто-то его напарник. А для всех остальных людей он должен оставаться обыкновенным человеком. По известным причинам киллеры вынуждены скрывать свой род деятельности. Да и профессия эта такая, что нет никакой радости в том, чтобы ее афишировать. Может, кто-то думал по-другому, но Олеся рассуждала именно так. Она тоже киллер. Бывший. Если киллеры бывают бывшими...

– Да мне как-то неудобно, – замялся Кирилл. – Ты все-таки женщина, а вступилась за мужчину...

– Ну кто ж виноват, что ты такой дохлый? – без всякого желанья его обидеть спросила она.

– А-а... Я тоже когда-то... Ну, тоже карате занимался... – жалко промямлил он. – Только недолго. Да и давно это было...

– Можно возобновить занятия, – обнадеживающе улыбнулась Олеся. – Под моим руководством... Если ты не очень занят...

Разумеется, Кирилл не был занят и с радостью готов был принять ее предложение. Все зависело от нее – захочет ли она с ним возиться. Она хотела. Его самого хотела...

– Поедем ко мне домой, – сказала она. – Тебе там понравится...

Кирилл восторженно затих. Переваривает свалившееся на него счастье.

– А с киллерами никогда не связывайся. – Она строго и проникновенно посмотрела на него. – Слышишь, никогда. Киллеры – это очень страшно...

Ей было семнадцать лет, когда из своего родного Архангельска она отправилась покорять Москву. Поступила в институт легкой промышленности. На втором курсе связалась с компанией «плохих» девочек – дискотеки, рестораны, симпатичные мальчики по согласию и солидные дяденьки за деньги. Проституткой она себя не считала, но факт оставался фактом – продажной любовью она не брезговала и частенько поправляла свое финансовое положение.

На третьем курсе Олеся попала в историю. Вместе с одним господином из «новых» отправилась к нему на дачу. Два дня он с ней куролесил, а затем продал своему другу. И не за сто двадцать американских рублей в час, а за десять тысяч долларов. Навсегда. Разумеется, Олеся такой зигзаг судьбы нисколько не устраивал. Она же не вещь, чтобы ею торговали. Но ее «господин» оказался настоящим отморожком. Сначала жестоко изнасиловал ее, затем посадил на цепь в подвале, как какую-то собаку. Раз в неделю приходил насиловать.

Эта жуть длилась четыре месяца, хотя Олесе казалось, что прошла целая вечность. Темный подвал, минимум удобств, плохая кормежка, систематические издевательства господина Зубакова сделали свое дело – она стала бледной как сама смерть, исхудала. Никто ее не искал, никто не пытался выволить из рабства. Никому не было до нее никакого дела. Она умирала, и никого это не волновало.

Олеся так бы и умерла в подвале, если бы Зубаков сам не снял ее с цепи. Он уже и не пытался заняться с ней сексом. Даже при всей своей извращенности он не страдал некрофилией. А именно труп Олеся собой и представляла. Живой труп. Без права на воскрешение. Зубаков нашел себе другую забаву, а Олеся собирался сбросить в яму и заживо залить бетоном. Он был бизнесменом, имел охрану и прислугу. Но яму для Олеси отрыл собственноручно. И раствор тоже приготовил сам. Ему нравился сам процесс чудовищного убийства, потому как он был натуральным маньяком... Но в яме оказался он сам. Сил у Олеси не было, но их с лихвой заменила люта я ненависть.

Она и не помнит, как извернулась и ударила Зубакова ногой в пах. Он упал в яму, стукнулся головой об камень. А Олеся схватилась за лопату... Ее остановили крутые парни в кожаных куртках. Это были бандиты, которые делали Зубакову «крышу». Они попытались вытащить бизнесмена из-под бетонной стяжки, но было уже поздно.

Над Олесей снова нависла смертельная угроза. Но кто-то из бандитов внял ее объяснениям и смиростивился. Только милость эта не была бескорыстной. Бандиты понимали, что Олеся доведена до отчаяния, что ей ненавистен весь мир. Мало того, они увидели в ней особый стержень, который позволил ей одолеть Зубакова, убить его. Словом, братки решили использовать ее злость и силу в своих целях.

Ее привели в чувство, откормили. Никаких банек с «хороводами», никакого насилия. Ее готовили на дело – учили стрелять, замечать следы, отрываться от погони. И, в конце концов, ее час пробил. Она подседа в машину к заказанной жертве и застрелила его из пистолета. Это было нетрудно. Она всего лишь представила, что жертва и господин Зубаков – одно и то же. Поэтому так хладнокровно жала на спусковой крючок...

За первым делом последовало второе, третье... Со временем она полностью осознала греховность своего бытия, но с кровавого пути не свернула: было уже поздно. Чтобы выжить, она постоянно совершенствовала свое мастерство. Стрельба, восточные единоборства, мастер-

ство охотника, умение владеть собой и управлять другими, искусство перевоплощения и маскировки... Она стала специалистом высочайшего класса. Ее услугами пользовались многие криминальные лидеры Москвы, даже из Питера приходили заказы. Но достаточно большие деньги и уважение серьезных людей нисколько ее не радовало.

Она уже была близка к тому, чтобы наплевать на все и выйти из игры. Пусть за ней охотятся ее работодатели, пусть весь мир ополчится на нее, пусть ее убьют в конце концов – уже все равно.

Но случилось то, что должно было рано или поздно случиться. Менты накрыли и разгромили бандитскую группировку, в киллерской бригаде которой числилась Олеся. Кто-то из братков был убит в перестрелке, кого-то запихнули на нары, кто-то ударился в бега. Олеся оказалась в числе последних. У нее не было никакого желания умирать за бандитскую идею, поэтому она сделала ноги. Далеко за границу уезжать не хотелось, поэтому она отправилась в Крым, который полюбила еще в школьные годы, когда приезжала сюда с родителями на лето. Здесь она и потерялась. Да, в сущности, ее никто и не искал.

Карательная машина российского правосудия оказалась не в состоянии перемолоть всю банду целиком. Кто попал под молох, того и стерли в порошок. Кто смог унести ноги, тому повезло. Может быть, повезло и не всем. Но то, что на Олеся не подавали в федеральный розыск, это она знала точно. Только в Россию она возвращаться не собиралась, тем более в Москву. Уж лучше оставаться на Украине – здесь-то она никаких преступлений не совершила. Да и хорошо ей было в Крыму – тепло и яблоки. Одно время она даже чувствовала себя счастливой, ведь ей не нужно никого убивать. Но тяжелые переживания очень быстро раздавили ощущение счастья. В будущем ей не нужно никого убивать, но сколько жизней она отняла в прошлом. Много. И этот грех навсегда останется с ней...

Жизнь не радовала ее. Как будто что-то умерло в ней – не хотелось ни любви, ни секса. Но и в глубокую депрессию впасть Олеся себе не позволила.

У нее были деньги, и она пустила их в дело. Купила старый домик в курортной части города, наняла людей, которые снесли его и построили новый. Дом она продала, получила прибыль. Снова затеяла строительство. Одно, второе... Дела шли неплохо. В конце концов один симпатичный домик на берегу моря она оставила себе. Машину вот новую купила. На улице весна – на деревьях распускаются почки. И у нее на душе весна. И уже хочется любви и секса, по-настоящему хочется...

Она привезла Кирилла к себе. Четырехкомнатный полтораэтажный дом с черепичной крышей стоил недешево, но он не шел ни в какое сравнение с местом, где был возведен. Море в двух шагах. Выходи из дома, пересекай небольшой дворик, спускайся по железной лестнице на пляж и купайся. Во дворе сад, небольшой открытый бассейн и каменная беседка с великолепным видом на море. Ласковое солнышко, приятный ветерок и полное ощущение свободы.

Олеся загнала машину в гараж, откуда вместе с Кириллом прошла прямо в дом. Просторный холл, огромная кухня, ванная комната с большим джакузи. Стиль хай-тэк, живи и наслаждайся. Только вот мужика в доме не было. За ненадобностью. И сейчас его нет. Разве ж Кирилл мужик? Гораздо больше он напоминал женщину, чем мужчину. В том-то и была его прелесть.

– Ты точно в гостинице живешь? – спросила она. – Никто тебя искать не будет?

– Нет.

– Тогда ты мой пленник, – улыбнулась она.

– Ты шутишь? – слегка насторожился он.

– Шучу, – кивнула Олеся. И серьезно предупредила: – Но могу изнасиловать. Понарошку... Примешь ванну, а потом будем пить вино. Но если тебя эта перспектива не устраивает, я могу отвезти тебя в гостиницу...

Кирилла устраивало все. И он с готовностью полез в джакузи. Олеся как бы невзначай зашла в ванную. И поняла, что и Кирилл устраивал ее во всем. Притягательная сила и очарование – это здорово, но и размер имел значение...

Сколько она себя помнила, ей всегда нравились юноши, а с дяденьками-старперами она спала исключительно за деньги. Но тогда она предпочитала сильных и атлетически сложенных парней. Но после господина Зубакина она возненавидела мужчин как класс.

К тому же она сама возмужала. В прямом смысле этого слова. Киллер – не женская профессия, и, чтобы соответствовать своему уровню, ей приходилось быть сильной телом и черствой душой. Суровый образ жизни, усиленные занятия спортом, тяжелые переживания после каждого исполненного заказа – все это усиливало выработку мужских гормонов. У нее не выросли усы, не усохла грудь, но к мужчинам тянуть перестало. А женщины... Женщины привлекали, но...

Когда она была проституткой, ради прихоти клиентов ей приходилось устраивать сеансы лесбийской любви. Ничего страшного в этом она не находила, но и радости особой не испытывала. А еще заработала комплекс на подсознательном уровне. Секс с женщиной ассоциировался у нее с рабской зависимостью. А она не хотела быть рабыней...

Мужчины ее не вдохновляли, от женщин ее отталкивали комплексы. А природа требовала своего. Ей нужен был секс, и она его получала. Но сначала напивалась...

Кирилл был хрупким и нежным, как женщина, таким же беззащитным. Может, это извращение с ее стороны, но именно к таким парням она тяготела. Как сильная женщина она стремилась доминировать над слабым мужчиной. Как женщине с мужественным характером ей требовался женоподобный мужчина. И она такого нашла. При всех своих недостатках Кирилл был именно тем человеком, который был ей нужен. И она готова была употребить его без всякой водки...

Олеся нервно мерила шагами кухню. Кирилл в ванной, она здесь. Он купается, ей же надо что-нибудь сообразить на стол. Холодильник у нее полный, но невозможно сосредоточиться на еде. Весна, распускается душа и все остальное... В конце концов она нашла выход. Позвонила в ресторан и сделала заказ на дом. Курьер появится не ранее чем через час. Ей этого времени должно хватить.

Она прошла в свою комнату, разделась догола, набросила на себя один банный халат, второй прихватила для Кирилла. И отправилась к нему в ванную.

Он балдел в джакузи под бульканье воздушных пузырьков и под мерное движение руки. Он был в полной боевой готовности, когда появилась Олеся. Она истомленно улыбнулась ему, грациозным движением скинула с себя халат и полезла к нему в джакузи. Кирилл ошалел от восторга. Для него это было самое волнующее приключение в жизни. Для нее же... А что, если это любовь?

Олеся нисколько не стеснялась своей наготы. Без всякого стеснения забралась к Кириллу, прильнула к нему... Она не шлюха, нет. Она просто ведет себя так, как должен вести себя мужчина-завоеватель по отношению к женщине, которая сама *этого* хочет. Может, она и не должна так поступать. Но она *так* поступает и нисколько не сожалеет об этом...

Кирилл оправдал возложенные на него надежды. Да, он воспринимался ею как беззащитная женщина, но его мужское начало должно было обладать твердым характером. И оно не подвело. Очарование женского естества и сила мужского натиска... Все, чего она хотела, то и получила. И теперь чувствовала себя самой счастливой мужчино-женщиной на свете...

После ванной они ужинали и пили вино, затем – постель. Все было просто замечательно. Утром Олеся отвезла Кирилла в гостиницу, но только затем, чтобы он забрал свои вещи. Она хотела, чтобы он остался у нее надолго. Если не навсегда.

Это была самая балдежная неделя в ее жизни. Они загорали на морском берегу, купались в теплой воде бассейна, отрывались на всю катушку в ее постели. Она устроила ему шоп-

пинг по магазинам, одела его с ног до головы. Подарила ему золотую цепь и перстень-печатку. Кирилл хотел казаться крутым, но при этом безропотно исполнял обязанности по дому. По утрам приносил ей кофе в постель, убирался в комнатах, готовил обеды. И она воспринимала это как должное. У каждого в этой жизни свое место...

Две недели отпуска пролетели быстро. Но Олеся не хотела отпускать от себя Кирилла. Да и он сам был только рад остаться с ней. Они договорились, что он отправится в свой Питер, объяснится с родителями, возьмет на работе расчет и вернется обратно в Ялту. На носу лето, чудесная пора. Пусть отдыхает до осени, а там и работа будет. Парень он сообразительный, по компьютерам большой дока, знает два языка. А у Олеси свой бизнес, и она с удовольствием возьмет его к себе на работу. Это будет их семейное дело... Она уже точно знала, что влюблена и будет счастлива, если выйдет за Кирилла замуж...

В ночь перед отъездом они отправились в элитный ресторан. Кирилл выглядел неплохо – костюм за пятьсот долларов, туфли за триста. И вел себя достаточно уверенно – как будто у него в самом деле друзья-киллеры. Но мужчины в ресторане смотрели на него удивленно, а на Олеся – непонимающе. И женщины тоже не могли понять, чего она в нем такого нашла. При всем своем старании Кирилл не в состоянии был произвести на публику выгодного о себе впечатления. Люди не видели в нем состоятельного мужчину, они видели в нем альфонса, который по причине своей неказистой внешности никак не мог привлечь такую красавицу, как Олеся. Но ей-то было все равно, что думают о ней и о нем окружающие. Главное, что думает о нем она сама. А она думала о нем с любовью...

Из ресторана они отправились к ней домой. Бурная, страстная ночь. А утром были вокзал и расставание. Но Олеся не унывала. Самое больше через неделю Кирилл вернется. А она пока поживет в одиночестве, а это не смертельно.

С вокзала она вернулась к себе, настроилась на пляжный лад – немного полежала на солнышке возле бассейна, искупалась. Зашла в дом. А там сюрприз. И вряд ли из разряда приятных...

В холле на белом кожаном диване сидел мужчина. Типичный представитель сильного пола. Высокий лоб, глубоко посаженные глаза – черные, как антрацит. Костистый длинный нос с раздвоенным кончиком. Мясистые уши. Выдающиеся скулы. Волосы темные, жесткие, на щеках легкая небритость. Взгляд сильный, угнетающе-завораживающий... Это был Олег Фадеев, он же Фадей, в прошлом напарник Олеси. Четыре года она его не видела. Век бы его не видеть...

Олеся насторожилась, но виду не подала. Если бы при ней был бы «ствол», она могла бы позволить себе недовольный взгляд. Но она была в одном пляжном халате, под которым не было ничего – ни лифчика, ни разгрузки с полной кобурой. А Фадей вооружен, в этом можно не сомневаться. И неизвестно, что у него на уме. Олеся не хотела показать свой страх. Фадей еще тот волчара, на флюиды страха он реагирует как зверь в поисках добычи. Испуганный человек разом превращается для него в жертву, такая уж у него натура.

– Какими судьбами? – безмятежно спросила она.

Появился нежданно-негаданно, без спросу проник в дом, по-хозяйски развалился на диване – как будто и не было ничего в этом особенного. Подумаешь, мелочь. Может, у нее каждый день появляется кто-нибудь из старых компаньонов...

– Да вот, соскучился, – криво усмехнулся Фадей. – Курить у тебя можно?

Спрашивает, что можно делать, а чего нельзя. Уже хорошо, мысленно отметила Олеся.

– У меня все можно, – усмехнулась она. – И курить можно, и без спросу вламываться тоже можно...

– То, что без спросу, это да, – кивнул он. – Но я не вламывался. Просто у тебя дверь с улицы была открыта... Хорошо живешь, не боишься никого...

– Да уж на жизнь не жалею... Выпить не хочешь?

– Ну, если угощаешь, то всегда пожалуйста.

Она распахнула створки бара. Одной рукой достала бутылку виски, а другой – вырвала из потайного места пистолет. Ствол пластикового «глока» уставился на Фадея. Все произошло так быстро, что он даже дернуться не успел.

– Bravo! – натянуто улыбнулся он.

Он даже шевельнул руками, чтобы наградить шутовскими аплодисментами, но вовремя вспомнил, что Олеся может рефлекторно среагировать на неосторожное движение. А стреляет она метко, уж он-то хорошо это знал. Правда, на своей собственной шкуре еще не почувствовал. Но у него все еще впереди.

– А теперь поговорим, – хищно сузила глаза Олеся. – Как ты узнал, что я здесь?

– Ты не поверишь, но я узнал про тебя совершенно случайно, – скривил губы Фадей.

Он боялся ее, но старался держать свой страх в узде. Он же мужик, а не баба, ему нельзя раскисать.

– Ты вчера в кабаке с каким-то кренделем зависала, а я тебя срисовал...

– Не поверила, – покачала головой она.

– Да я бы и сам не поверил, но факт есть факт... А в Ялту я не случайно попал, это да. Ты меня навела... Помнишь, ты рассказывала, как ты с предками своими любила здесь отдыхать. Но я-то не знал, что ты здесь, а оно вон как обернулось... – осклабился он.

– Чего лыбишься? – сверкнула взглядом Олеся. – Ты на меня виды не имей. У меня с тобой никаких дел, ты меня понял?

– Да ты не кипишуй, все ж нормально. У меня у самого никаких дел. Вот, приехал, чисто оттянуться. Ну, тебя вот встретил. Все ж таки мы с тобой не чужие люди...

– Уже чужие.

– Да ладно, чужие. Мы с тобой прошлым связаны... Я, между прочим, два с половиной года в зоне отмотал. Меня же со «стволом» на кармане взяли...

– А меня не волнует, по какой статье тебя приняли.

– Ну, как это не волнует! Должно волновать... Ты-то вот ноги сделала, а нас с пацанами повязали.

– Еще скажи, что это я вас вложила, – криво усмехнулась Олеся.

– Да нет, если б ты нас вложила, я бы с тобой и не разговаривал. Ты бы еще вчера сгинула...

– Как страшно...

– Страшно мне было. Когда менты повязали. Думал, убьют. Да нет, жив, как видишь, остался...

– И что с того?

– Да вот, отмотал я свой срок. К тебе вот приехал. Посмотреть на твоё жите-бытье. Хорошо живешь. Дом конкретный у моря, джип новье... А мои бабки сгорели, ничего не осталось...

– А это уже твои проблемы... Я свои бабки честно заработала...

Олеся осеклась. Нет, деньги заработаны нечестным путем. Даже более того... Но это ее деньги, и никому не позволено их считать.

– Ну так, работала ты конкретно, – уважительно посмотрел на нее Фадей. – Ты всегда первый номер, а мы все на подхвате... И то, что ты от ментов ушла, так это нюх у тебя особый...

– А дифирамбы мне заливать не надо, – язвительно усмехнулась Олеся. – Говори, что тебе нужно.

– Да ничего мне от тебя не нужно. Просто пришел...

– Просто увидел меня в ресторане. Просто выследил. Просто вломился в дом... Все у тебя просто. Нажать бы на спуск. Просто взять и нажать. Хочешь?

– Ты мне просто виски налей, – через силу улыбнулся он.

– Без проблем. «Пушку» мне сбрось...

Фадей кивнул, соглашаясь. Извлек из-под пиджака «беретту», бросил Олеся. Она легко поймала пистолет на лету левой рукой. «Глок» в правой руке даже не колыхнулся.

– И под брюками у себя пошерсти, – усмехнулась она.

Фадей достал еще один пистолет – из кобуры, закрепленной на голени правой ноги. Шестизарядный револьвер «кольт» тридцать второго калибра. Неплохо...

Но это было еще не все. Под второй брючиной в специальном чехле нашелся метательный нож. Американский «гриф». А Фадей умел пользоваться этой штукой.

– Хорошо упаковался, – не сдержала насмешки Олеся. – Как на войну шел.

– Не на войну, а с войны, – поправил он.

– То ты с зоны, то с войны. Запутался ты, братец.

– Так после зоны я куда, думаешь, подался? В Чечню. Меня один кент сблатовал.

– Как я понимаю, на контрактную службу тебя взять не могли. А волонтером задарма ты служить не будешь... Выходит, ты с чеченцами против русских воевал?

Фадей разглядел пренебрежительную насмешку на ее губах. Занервничал.

– А мне все равно, против кого воевать. Лишь бы платили...

– И много тебе заплатили?

– Да не густо, – мрачно усмехнулся он.

– Что ж так, плохо воевал?

– Да нет, нормально все было. Ты же знаешь, я снайпер неплохой. А там за каждую голову платят. За офицера триста баксов, за солдата – сотню. Только баксы через раз фальшивые. А права там особо не покачаешь. Арабы, они ж хитрые. Типа, им самим такие баксы завезли. А чеченцы-то, по-любому, нормальные бабки получают. Их арабы в задницу целуют. А славяне для них пушечное мясо...

– А за что вас уважать? – презрительно скривилась Олеся. – Вы ж против своего брата воюете...

– Ой, да ладно, сама сколько русаков покрошила, и ничего...

– Но так то ж не на войне. Да и в прошлом все это...

– А от прошлого, дорогая моя, никуда не денешься. Оно всегда с нами... И прошлое, и настоящее... Я в Чечне человека одного встретил. Из прошлого. Целый генерал...

– Полевой?

– Зачем полевой? Настоящий армейский генерал-майор... Я его еще с полковника знаю. Он в Германии служил, так Мефодий через него дела делал. Тачки там в Москву перегоняли, запчасти... А потом он сам в Москву перебрался. Бабок – море. Он фирму организовал, на брата оформил. Ну, а Мефодий эту фирму под свою крышу взял, ну, чисто, на льготных условиях. Ну, полковник радый...

– А если короче?

– Если короче, то этого полковника... э-э... генерала я знаю. Так, по мелочи пересекались... Короче, там какая тема была. Мы высоту держали, а тут спецназ. В общем, повязали меня. Думал все, хана. Нет, в штаб приволокли, а там наш генерал. Ну, думаю, все, счас он меня узнает и даст отмашку, чтобы в расход меня. Ни фиги. Он меня узнал. Ну, допросил для приличия. Под замок посадил. Потом в зиндан ко мне пришел. Уже конкретно поговорили. Ему сейчас люди нужны, на которых можно положиться. В общем, ему моя преданность нужна, ну, не безвозмездно, само собой. Короче, я под него подписался, и он мне побег организовал...

Российский генерал берет к себе на службу чеченского наемника. Звучит дико. Но российская действительность – дырявое решето. А как известно, в решете случаются чудеса. Безрадостные для страны чудеса. Русские воюют с чеченцами только одной рукой, а второй помогают им – оружием, информацией. Среди российских генералов хватает оборотней, мало того, они настолько обнаглели, что чуть ли не открыто якшаются с врагами. Им наплевать на мне-

ние своих подчиненных, большинство из которых служат своей стране честно и бескорыстно... Нельзя сказать, что мысли о грязной российской действительности расстроили Олеся. Скорее наоборот. Чем больше бардака в России, тем меньше вероятности, что менты помнят о ней и мечтают отправить за решетку. А возможно, они вообще не знают о ее существовании...

– Значит, в бега ты подался. – Олеся задумчиво посмотрела на Фадея. – А как же федеральный розыск?

– Да какой там хрена розыск, – ухмыльнулся он. – Я же, типа, гражданин Украины. Цыганчук Микола Давыдькович... Ну а если серьезно. Меня пристрелили при попытке к бегству. Только я жив, как видишь. И по-прежнему гражданин Украины, только имя уже другое. Паспорт мне в Москве оформили. У генерала там свой человек, он меня принял, с ксивами помог. Работку обещал подбросить. Сама должна понимать, какую. Денег дал, отправил в Крым, типа, пересидеть. А в Крыму ты. Клево! Мне как раз напарник нужен...

– Ищи себе напарника в другом месте, – мрачно глянула на него Олеся. – Я больше в эти игры не играю. Вышла уже из этого возраста... Да и проблемы.

– Какие проблемы?

– С законом. Мне в Россию нельзя, там федеральный розыск...

– С какого это хрена?

– А с того самого, на который тебя самого накрутили. Или ты хочешь сказать, что в ментовке про меня ни слова не сказал? И Лоцман не раскололся, и Гриль тоже, да?

– Ты чо, в натуре, за людей нас не считаешь? – в благородном гневе протянул он. – Да мы про тебя никому ни слова!.. Да про тебя и не спрашивали. Я тебе отвечаю!

Олеся смотрела на него въедливо-пытливым взглядом. Не так-то просто отличить ложь от правды. Но в данном случае Фадей был перед ней как на ладони. И он не врал... Да она и сама знала, что в России за ней не охотились...

– Ну что ж, раз так, то давай выпьем, – сама предложила она.

– Ну а я о чем! – в радостном порыве потер ладони Фадей.

Олеся спрятала оружие, взялась за бутылку. Виски приятно согрело гортань, приятной волной окутало сознание, смягчило образ Фадея.

– Вспомни, как мы с тобой зажигали! – блаженно улыбался он. – Такие дела проворачивали...

– Что было, то прошло, – она прекрасно понимала, куда он клонит.

– Да ладно тебе, подыхаешь здесь со скуки. А в Москве жизнь. И работы валом...

– Я не скучаю. Мне здесь очень хорошо.

– Ну так и живи здесь. Сделала дело в Москве, приехала сюда... Сделали дело, приехали сюда, оттянулись и обратно...

– Только тебя здесь не хватало, – криво усмехнулась она.

– А чем я тебе плох? – обиженно посмотрел на нее Фадей.

– А чем хорош?.. И вообще, никуда ехать я не собираюсь. Убивать я не хочу: сыта этим по горло. В деньгах я не нуждаюсь...

– А в мужчинах?

– Есть у меня мужчина. И мне больше никто не нужен...

– Уж не тот ли это заморыш, которого я с тобой видел?

– Заморыш у тебя в штанах, – язвительно заметила она. – А у Кирилла с этим все в порядке, можешь мне поверить...

Олеся далеко не святая. И в греховную свою бытность одно время жила с Фадеем под одной крышей. Размерчик у него так себе. И если б только это. Ни от кого другого не воняло козлом так, как от него. Он окончательно отбил у нее охоту спать с мужиками. После него она могла сойтись с мужчиной только в пьяном забытьи. И сходилась. И с ним самим тоже... Но сегодня у него ничего не выйдет. Пусть даже не рассчитывает. После Кирилла ей уж точно

никто не нужен. И даже виски не заморочит ей голову. Да и не станет она напиваться. Не тот случай...

Ничто так не обескураживает мужчину, как упрек по адресу его достоинства. Фадей был так возмущен, что на какое-то время потерял дар речи. Хватает ртом воздух, а сказать ничего не может.

– Кирилл к себе домой уехал, – с насмешкой на устах сказала она. – Но скоро вернется. Так что на его место даже не рассчитывай...

– Не нравится мне все это, – угрюмо посмотрел на нее Фадей.

– А мне все равно, что тебе нравится, а что нет... У меня своя жизнь. И тебе нет в ней места... Давай, допивай и проваливай. Больше не приходи.

Но Фадей уходить не торопился. Да и ей не хотелось пить в одиночестве. А виски пошло хорошо, и непросто было остановить процесс.

Олеся напилась допьяна. А Фадей нагло воспользовался этим. Пригласил ее на танец, прижал к себе. Затем отстранился, распахнул ее халат и прижался к ее голому телу. А она прижалась к его возбужденному естеству. Коленкой. Да с размаха...

– О, е-е! – схватился он за отбитое достоинство.

Олеся наполнила его рюмку до краев, поднесла ему.

– Обезболивающее... – ехидно пояснила она. – Пей и вали отсюда, пока я добрая...

Он выпил. Забрал оружие и направился к выходу.

– Никогда не забуду твою доброту, – бросил он на прощание.

– Вот и хорошо, – хищно усмехнулась Олеся.

Фадей убрался, она же закрылась на все замки, поднялась в спальню и в пьяной дреме рухнула на кровать. Уж лучше одной всю жизнь куковать, чем жить с таким козлом, как Фадей.

Утром она созвонилась с охранной фирмой, заказала комплект системы безопасности – камеры наружного слежения, лазерную сигнализацию, кнопку вызова дежурной группы. Пока Фадей в Ялте, ухо нужно держать остро. От него можно ждать чего угодно...

Глава третья

Весна в Чечне событие отнюдь не самое радостное. То, что тепло и солнце светит, хорошо. Но плохо, что деревья покрываются зеленью. Леса теряют зимнюю прозрачность, теперь там раздолье для снайперов и диверсионных групп противника. И разведчикам работы прибавится.

Равнинно-степная часть Чечни под полным контролем федеральных войск. Но боевики редкие гости в этих местах. Они орудуют в горах, откуда их пока что не удастся выманить. Горы, зеленые леса – это их козырь. Но, по-любому, на легкую жизнь они пусть не рассчитывают.

На «фронте» временное затишье. Но Марату не до отдыха. После декабрьских боев его рота потеряла восемнадцать человек. К счастью, не убитыми и не ранеными. Восемнадцать бойцов были уволены в запас. А замену им прислали только в марте. Тридцать семь человек, все после первого года службы. До Чечни они служили в разведротах и линейных подразделениях десантно-штурмовой бригады морской пехоты. В общем, ребята подготовленные. Но все равно Марату требовалось время, чтобы «подогнать» их под себя. И его боевой друг Извеков работал с пополнением – шлифовал контингент. Стрельбы, рукопашные бои, марш-броски. Учебные разведрейды в условиях, максимально приближенных к боевым – разведгруппы регулярно обшаривали «зеленку» вокруг боевого лагеря. Случалось, что натыкались на боевиков. Но, как правило, те уклонялись от боя: связываться с разведчиками себе дороже.

Штаб группировки находился в каких-то двух километрах от места дислокации батальона. В трех километрах, равноудаленно от этих двух точек, в сторону Аргунского ущелья – чеченское селение Дуба-Юрт. Генерал Суходол считал, что это село мирное. Иначе бы он не отправился туда с дружественным визитом.

Он появился в расположении батальона неожиданно. Распорядился выделить в его распоряжение боевую машину и пять бойцов для сопровождения. Лымарев отговаривать его не стал. Но на всякий случай снарядил два «БРДМ» и десять человек из роты старшего лейтенанта Извекова. Эдуард отправился во главе группы охранения. Вернулся только к вечеру. С бутылкой дагестанского коньяка.

– Где взял? – спросил Марат.

– А это вместо ордена, – усмехнулся Эдуард. – За хорошую службу. От генерала Суходола.

Он сорвал с бутылки пробку, раскидал темно-коричневую жидкость по алюминиевым кружкам.

– А не отравимся? – насмешливо спросил Марат.

– А хрен его знает! – пожал плечами старлей. – Генерала «чехи» угостили, может, каким-нибудь дерьмом зарядили... Хотя вряд ли. С генералом они вась-вась. Они его травить не будут. Так что пей, не бойся...

Но Марат пить не спешил.

– Как это «чехи» с генералом вась-вась? А ну, давай подробно, что там было?

– Сказать, что ничего особенного, не скажу. Пальбы не было, все живы. А на душе мутота... Мы на окраине села встали, смотрим, джип к нам едет, а в нем «чехи» с автоматами. Ну, я уже команду хотел дать, чтобы этих уродов с дерьмом смешать, смотрю, а генерал ни черта не боится. Рот до ушей. Как будто лучших друзей увидел. Типа, это не наемники Хаттаба, а ополченцы – против боевиков за Расею. Ну, я поверил. А генерал пересел в джип и уехал вместе с этими ополченцами. Нам сказал ждать. Вернулся через два часа. Подшофе, сумка спортивная битком набита. Он оттуда бутылку коньяка вытащил, мне вручил. Типа, надо выпить за боевое содружество между русскими и чеченцами. Мол, скоро конец боевикам, если сами чеченцы против них ополчились...

– Хрень какую-то плетет твой генерал, – задумчиво покачал головой Марат. – Не будут чеченцы воевать со своими. И генералов российских просто так привечать не будут... Но факт остается фактом, Суходол гостил у чеченцев, коньяк вот в подарок получил... И не только коньяк. Ты же в его сумку не заглядывал. Интересно было бы узнать, что там...

– Интересно было бы узнать, что за коньяк ему подсунули. Если хороший коньяк, то и «чехи» к генералу хорошо относятся. А это подозрительно...

– Ну что ж, давай попробуем укрепить наши подозрения, – усмехнулся Марат.

Коньяк был отменного качества. Мягкий, ароматный, забористый. Выходило, что чечены генерала уважают. Спрашивается, за что?

Через два дня в расположении батальона появился представитель штаба группировки. Полковник Курбатов. С собой он привез боевой приказ. Разведбат майора Лымарева привлекался к операции в Аргунском ущелье. Общее руководство этой операцией возлагалось на Курбатова.

Полковник собрал офицеров в штабной палатке. Поставил задачу, уточнил место и время начала боевых действий. Совместными усилиями на карте был отработан план предстоящей операции. Уточнены номера рабочих радиочастот, позывные, схема связи с артиллерией и авиацией. Осталось только уточнить план действий на местности. Для этого офицеры отправились к чеченскому селению, откуда отлично просматривались горные хребты и сопки. Лымарев не очень-то рвался в Дуба-Юрт, но Курбатов настаивал.

– Чего вы боитесь, майор? – подстегивал его полковник. – Это мирное селение, там дружелюбные нам ополченцы... Разведчик вы, в конце концов, или нет?

Марату не нравилось его настроение. Чересчур много в нем фальшивого оптимизма. Но как бы то ни было, ему пришлось ехать в населенный пункт вместе со всеми.

К Дуба-Юрту подъехали на трех боевых машинах. На броне бойцы в «бронниках», автоматы сняты с предохранителей, башенные пулеметы на боевом взводе – мало ли что. Но все было спокойно.

Курбатов с энтузиазмом рассказывал, как он видит предстоящий бой. Определил исходные позиции, указал направление ударов. А затем вдруг решил пообщаться с военным комендантом чеченского села.

– В комендатуру нужно съездить, – сказал он. – Узнать обстановку в гарнизоне...

Лымарев удивленно смотрел на него. Какой на фиг в этой дыре может быть комендант? Курбатов заметил его взгляд, снисходительно усмехнулся.

– Вы снова чего-то боитесь, майор?.. Да вы не бойтесь, в комендатуру я сам поеду.

– Езжайте, – пожал плечами комбат.

Он же не врач, чтобы лечить идиотов, тем более высокопоставленных.

Курбатов взял с собой автомат, пару гранат, сигнальные ракеты.

– Увидите красную ракету, значит, я в опасности, – насмешливо посмотрел он на Лымарева. – Надеюсь, что вы не оставите меня в беде.

Комбат нахмурил брови. А кому нравится, когда в твой огород бросают камни?

Курбатов сел на машину Извекова и вместе с ним и его бойцами отправился в комендатуру.

– Не нравится мне все это, – мрачно изрек Лымарев. – Дерьмом пахнет... Ладно, лишь бы кровью не запахло.

– Это да, – кивнул Марат. – Кровь нам не нужна.

Это для правителей России кровь солдатская что водица. А «окопные» офицеры в ответе за каждого своего бойца. Нет ничего горше, чем осознавать, что по твоей вине кто-то погиб...

Группа вернулась через час. Курбатов выглядел не самым лучшим образом. В глазах испуг, губы подрагивают. Он даже не стал останавливать машину. Махнул рукой – уходим, мол. И два других «БРДМ» потянулись за ним.

В расположении батальона Курбатов пересел в свой «уазик» и сразу же уехал в штаб. Марат поспешил к Эдуарду.

– Что там такое было? – спросил он.

И без того было ясно, что в поселке творится что-то неладное. Но интересно было узнать подробности.

– Да писец, – совсем невесело усмехнулся Извеков. – В этом ауле, мля, боевиков больше, чем у нас в батальоне. Вооружены до зубов, натовская форма... Это уж точно не ополчение...

– Но вас же не тронули.

– Не тронули. Потому что Курбатов с нами был. Ему джип подали. Тот самый, на котором Суходола возили. Все по той же схеме. Он с боевиками куда-то уехал, а через полчаса вернулся. Весь в пене... Но мне кажется, он не столько боялся, сколько страх изображал...

– А комендатура?

– Какая на фиг там комендатура? Ему чечены были нужны. Да и нет там никакой комендатуры...

– Бред какой-то. Ничего не понимаю...

– Да не ломай ты голову, Марат. В нашей армии столько бардака, что с ума сойдешь, если будешь во все вникать...

– А мне во все вникать не надо, – покачал головой Марат. – Меня исключительно этот случай интересует...

– Все равно ничего не поймешь. Пока не объяснят.

– А кто объяснять должен? Курбатов?! Суходол?! Как же, дождешься от них...

Но все объяснила сама жизнь.

Утром следующего дня комбат получил задачу – провести разведку обозначенных на карте аргунских сопок и по возможности занять позиции. Лымарев разбил батальон на три отряда – первый он возглавил сам, второй поручил Извекову, а третий во главе с капитаном Крушилиным оставил в резерве. Марату такая постановка задачи не понравилась: он рвался в бой, а его оставляют в тылу. Безобразие. Но еще большее безобразие обсуждать приказ. У военных это не принято.

Отряды готовились к выходу, когда появился сам генерал Суходол в сопровождении полковника Курбатова. Майор Лымарев получил приказ построить батальон. Комбат был в шоке. Время дневное, вокруг горы, где затаились боевики. У «чехов» отличная оптика, и все разведчики будут как на ладони, их легко будет пересчитать по головам. Но делать нечего, приказ есть приказ.

Комбат построил своих подчиненных поротно. Суходолу это не понравилось.

– Я должен видеть все три отряда, которым поставлена боевая задача, – сказал он.

И едва заметно повел головой в сторону гор. Или это случайно у него вышло, или он мысленно обращался к боевикам, которые должны были наблюдать за построением.

Комбат пожал плечами и дал команду перестроиться.

Генерал с важным видом обошел строй. Величественная походка, сосредоточенный взгляд, пафосная речь:

– Товарищи бойцы! Президент и правительство поставили перед нами великую задачу – очистить Чеченскую Республику от бандформирований и навести конституционный порядок. Шаг за шагом мы продвигаемся к нашей цели. Один такой шаг предстоит сделать вам. Своими смелыми решительными действиями вы должны открыть ворота в Аргунское ущелье. Задача сложная, но я уверен, что вы справитесь с ней и проложите путь для пехоты и танковых подразделений, которые находятся позади. Я верю в вас, сынки! Верю, что вы не подведете!

Может, кого-то и вдохновила эта речь. Но Марата она лишь разозлила. Все это казалось ему каким-то дешевым фарсом...

Суходол поставил перед отрядами задачи и отправил их в поход. Отряд капитана Крушила остался в резерве. Сам же генерал остался в штабе батальона, чтобы вместе с полковником Курбатовым руководить операцией на месте.

Марат нутром чувствовал, что должно произойти нечто страшное. И сидел как на иголках в ожидании тревожных сообщений. Но все было спокойно. Отряды разведчиков без происшествий миновали Дуба-Юрт и выдвинулись к намеченным высотам.

А ночью заварилась каша. Отряд Лымарева попал в засаду. «Чехи» действовали по науке – из гранатометов разом подбили головной и замыкающий «БРДМ». А затем пошли в атаку. Комбат нуждался в подкреплении. Но Суходол не разрешил Марату выступить на помощь.

– В отряде майора Лымарева более тридцати человек, – объяснил он. – А боевиков, по данным разведки, не более двадцати. Так что не переживай, капитан, твой комбат обойдется своими силами.

Марат не понимал, о каких данных разведки идет речь. Лымарев сообщал об отряде боевиков численностью не менее пятидесяти человек. А никаких разведанных больше не поступало. Возникал справедливый вопрос – зачем генерал выдает желаемое за действительное?

А еще Лымарев сообщил, что им замечены караваны боевиков,двигающиеся в направлении Дуба-Юрта. Но Суходол не придавал этому особого значения.

Как ни крути, а генерал оказался прав. Майор Лымарев обошелся своими силами. Он отбил атаку боевиков, но потерял девять человек убитыми и четырнадцать ранеными. Генерал распорядился закрепиться на высоте и ждать подкрепления. Он должен был немедленно выслать на помощь комбату ударную группу. Но ничего подобного не произошло. Ни пехота, ни танки на помощь разведотряду не выдвинулись. И отряд капитана Крушила остался на месте.

Марат не выдержал, ворвался в штабную палатку. Он с трудом обуздал себя. Еще бы немного, и он бы схватил генерала за грудки.

– Капитан, что такое? – испуганно посмотрел на него Курбатов.

– Что же вы творите? – зло сквозь зубы процедил Марат.

– Тихо! – осадил его генерал.

И махнул рукой, показывая на радиостанцию.

– Ясень! Ясень! Мы попали в засаду!.. Ясень! Ясень! Требуется помощь!.. – Марат узнал голос Эдуарда. – Высота шестьсот шестьдесят шесть... Высота шестьсот шестьдесят шесть...

Треск эфира, перестук пулеметных и автоматных очередей, взрывы гранат. Отряд старшего лейтенанта Извекова вел бой.

Суходол строго посмотрел на Марата.

– Готовьте отряд к выходу, товарищ капитан! Выступать – немедленно!

Вся злость на генерала мгновенно улетучилась. Даже возникло чувство вины. Суходол берег его группу для более тяжелого случая. И этот случай наступил. Отряд Извекова попал в засаду, против него действовали крупные силы боевиков. В этой ситуации своими силами он обойтись не мог. Генерал это понимал, поэтому и бросал в бой отряд капитана Крушила, чему Марат был только рад.

– Буран! Буран! – Суходол лично обращался к Извекову. – К вам идет подкрепление! К вам идет подкрепление! Будет через два часа. Держитесь! Держитесь!..

Даже при всем желании через два часа до места не добраться. И генерал это понимал. Но ему нужно было как-то обнадежить попавшего в переплет командира.

Марату не нужно было готовить отряд к выходу. Все уже давно было готово. Все бойцы в сборе, при оружии, двигатели машин прогреты. Осталось только дать команду, и вперед.

Колонна боевых машин покинула лагерь и вышла на маршрут. Два «БРДМ-2» и два «БТР-80», тридцать четыре бойца. Не слишком много, но и не мало, если учесть, что разведчики умеют воевать.

Бронированная разведывательно-дозорная машина обладала повышенной проходимостью, быстрым ходом. Шестнадцать дневных приборов наблюдения, приборы ночного видения для водителя и командира. Навигационная аппаратура – датчики курса и пути. Координатор – счетно-решающий прибор, преобразователь и указатель курса. Вооружение – два пулемета: «КПВТ» калибра четырнадцать и пять, «ПКТ» – семь шестьдесят два. В утробе машины, за броней – места для членов экипажа. Но бойцы предпочитают двигаться на броне. При всех своих достоинствах «БРДМ» – это такой же «гроб», как и другие бронированные машины. Наехал на мину, нарвался на кумулятивную гранату, и все, приехали.

А еще лучше двигаться пешком. Медленно, зато более безопасно. Только сейчас такая роскошь непозволительна. Отряд Извекова в кольце окружения и нуждается в подмоге. Марат вынужден спешить.

Самый короткий путь к высоте «666» лежал через Дуба-Юрт. Так что хочешь не хочешь, а надо было проезжать через селение.

Как бы не дать дуба перед Дуба-Юртом... Стоп! По закону военного времени это селение необходимо было зачистить, а затем уже проезжать через него. Вряд ли Суходол пойдет на это. Но Марат должен был связаться с ним и запросить пехоту для зачистки, чтобы потом крайним не остаться.

Он связался с командным пунктом. Запросил помощь. На что получил ответ:

– Капитан, не паникуй! Селение мирное! Боевиков здесь нет!

– Как же нет! Еще вчера здесь было полно наемников в натовской форме.

– Это было вчера, а сегодня здесь никого нет. Два отряда прошли, и ничего. А ты чего испугался, капитан! Давай, вперед, вперед!

– Но ведь была информация, что в направлении селения шли караваны боевиков.

– Это неподтвержденная информация, капитан. Твой командир мог ошибиться.

– Может, обойти селение стороной?

– Нет! Нельзя удлинять маршрут... А боевики... Капитан, твоя задача ворваться в населенный пункт и разведать обстановку. Об обнаруженных боевиках сообщить немедленно...

Приказы, противоречащие друг другу. Марат не должен был идти обходным путем, потому как дорога была каждая минута. Он должен был как можно быстрее оказать помощь гибнущему отряду. Это понятно. Но почему тогда Суходол ставит ему задачу обследовать Дуба-Юрт? Ведь если он нарвется на боевиков, он точно не сможет прийти на помощь Извекову и его бойцам... Или генерал сам запутался, или пытается запутать самого Марата.

Но в любом случае капитан Крушилин получил боевую задачу, и он должен ее выполнить.

Движение на машинах давало разведчикам преимущество – они могли позволить себе передвигаться в тяжелых для пешего передвижения бронезилетах. А о «бронниках» Марат не забыл.

К Дуба-Юрту машины подходили с особой осторожностью. Марат напряженно всматривался в темноту, как будто мог что-то увидеть. Если боевики ждут его, они уже в домах и за ними, с гранатометами и пулеметами на изготовку. Снайпера в укрытиях. И не слышать противника, даже если остановить машины и выключить моторы.

Самый лучший вариант в данной ситуации повернуть назад. Но Марат не мог решиться на такой шаг. Он должен был помочь Извекову, он должен был выполнить свой воинский долг. Он не трус и не предатель...

Боевики могли организовать засаду в самом селении. Но колонна напоролась на них еще на подступах. Дорогу с двух сторон обступили две извилистые возвышенности. Идеальное место для засады – сигналом тревоги вспыхнуло в голове у Марата. И обостренное чутье на опасность дало о себе знать.

– Стоп, мотор! К машине! – крикнул в эфир Марат.

И едва с брони спрыгнул последний боец, послышался хлопок гранатометного выстрела. Кумулятивный заряд кометой пронесся в ночи, ткнулся в броню головной машины, и немедленно грянул взрыв. Грохот, огненный цунами, воздушная волна. И снова выстрел. На воздух взлетел замыкающий «бэтээр».

«Чехи» били по колонне с двух сторон. К счастью, высоты, на которых они закрепились, не вплотную подступали к дороге, что лишало боевиков возможности стрелять с близкого расстояния. Но и дальний огонь был достаточно плотным. Пулеметы, подствольные гранатометы, автоматные очереди. Ухнул «РПГ», на этот раз кумулятивная граната прошла мимо взятой в прицел боевой машины. Но вряд ли у боевиков на этом закончились заряды.

Разведчики не впали в панику, не заметались в беспорядке под вражеским огнем. Бойцы занимали более или менее выгодные позиции, стреляли в ответ – подавляли огневые точки боевиков. Были убитые, раненые. Но сейчас не до них. Марат должен был думать в первую очередь о живых. Он обязан был сохранить голову на плечах, как в прямом, так и в переносном смысле. Только здравый рассудок и боевой опыт могли переломить ход сражения, успех которого склонялся на сторону боевиков.

Он обратил внимание, что противник не равномерно распределил свои силы. На одной, самой удобной для боя высоте он сосредоточил основные силы, а на второй, противоположной, была размещена отвлекающая группа с пулеметом. «Чехам» нужно было расплыть усилия взятых в оборот разведчиков. И пока что это у них получалось. Они не позволяли сосредоточить весь огонь на самой важной высоте.

Марат принял отчаянное решение. Он связался со своим заместителем, передал ему командование, а сам во главе небольшой группы бойцов бросился назад по дороге. Со стороны это напоминало бегство. Что ж, пусть «чехи» думают, что русские спасают свои шкуры.

По «убегавшим» открыли огонь. Один боец упал замертво, другой зарылся в дорожной пыли с пулей в ногу. Марат оставил одного бойца с раненым, а остальных повел за собой. Нужно было торопиться.

Из-под огня вышли четыре бойца с Маратом во главе. Бронежилеты, рейдовые рюкзаки – на землю, в один карман – спаренный магазин, в другой – гранату. Задуманный маневр требовал большой физической выносливости и не терпел лишнего груза на плечах.

Бойцы выдержали спринтерский бег по пересеченной местности. Вместе с Маратом они уверенно зашли в тыл к отвлекающей группе боевиков. Это были не самые главные силы, все равно «чехов» было достаточно много – человек десять, не меньше. Но наемники были увлечены боем и не заметили появившихся за спиной разведчиков. А Марат действовал без заминки – быстро, решительно, как предписывал и боевой устав, и военная необходимость.

Разведчики бесшумно подкрались к боевикам на дистанцию ближнего боя и дружно открыли огонь. Трех боевиков Марат срезал автоматными очередями. Четвертый выпрыгнул на него откуда-то из темноты как черт из табакерки. Выбил из рук автомат, опрокинул на землю. Насел на него и занес над ним нож. Черная борода, свирепый оскал, в глазах дикая ярость. И силы в нем хоть отбавляй. А еще больше было желания победить. И он бы, пожалуй, победил, если бы нарвался на кого-то другого. А капитан Крушилин был этому дикарю не по зубам.

Одной рукой Марат перехватил нож. Извернулся и пустил в ход вторую руку. Большим пальцем ткнул «чеха» в глаз, надавил на яблоко и тут же просунул под него палец указательный. Резкий рывок на себя, и боевик остался без глаза. От боли, а больше от неожиданности чеченец расслабил руку с ножом, чем Марат не замедлил воспользоваться. Он выбил оружие, заломил вражескую руку за спину. Четким отточенным движением выхватил свой нож и нанес удар в шею.

А за спиной у него по земле катался рядовой Темкин с «чехом» в обнимку. С самого начала борьба шла на равных, но в конце концов боевик сумел перехватить инициативу.

Забрался верхом на Темкина, руками обхватил его голову и стал бить затылком о камень. Не самый удачный вариант выбрал горец. Нужно убивать противника одним-двумя, максимум тремя движениями. После чего переключаться на следующего. Нельзя увлекаться боем, потому что кто-нибудь может увлечься тобой. «Чех» увлекся Темкиным, и, пока он его добивал, Марат успел переключиться на него. Вынул нож из шеи убитого наемника и метнул его в озверевшего горца. Метнул и не промахнулся...

На этом все и закончилось. Из одиннадцати боевиков в живых не осталось никого. Рядовой Максимов убит, рядовой Темкин серьезно ранен. В строю остались только Марат и сержант Радимич.

Было видно, что «чехи» оборудовали свои позиции на скорую руку. Натаскали камней, кое-как выложили из них бруствера для автоматчиков, обложили ими пулеметное гнездо. «ПКМ» на станке, возле него два убитых «чеха» – Радимич постарался. Несколько коробок с лентами на двести пятьдесят патронов... Этот пулемет наделал немало бед. Но теперь он уже не будет стрелять в спины разведчикам.

Бой продолжался. Основная группа разведчиков вела бой с врагом, засевшим на возвышенности. Горели две разведывательно-дозорные машины и один «бэтээр». Второй «БТР» сковывал «чехов» огнем башенных пулеметов.

Марат связался со своим заместителем, приказал отходить к занятым позициям. Отход должны были обеспечивать уцелевший бронетранспортер и захваченный пулемет.

Разведчики отходили грамотно. Убитых оставили на месте, раненых захватили с собой. Сосредоточились на высоте. «БТР» тоже пытался подползти к новым позициям, но был подбит. Водитель и стрелок каким-то чудом уцелели. Первый был ранен, а второй дотащил его на себе.

«Чехи» сумели загнать спецназ в ловушку, но капкан захлопнуть не смогли. И тем не менее они могли праздновать успех. Из тридцати четырех бойцов в живых остались только двадцать три. Из них восемь тяжелораненых, которые не могли вести бой. В сущности, это был разгром. Но Марат не отчаивался, и его подчиненные не падали духом. Сейчас ими двигало желание отомстить за своих павших товарищей.

Боевики прекратили огонь. Но это вовсе не значило, что они отступили. Нет, они обходили захваченную высоту, чтобы затем атаковать ее. Марат воспользовался возникшей паузой, чтобы организовать круговую оборону. Также он связался с командным пунктом, сообщил обстановку, данные о потерях.

– Ясень! Ясень! Требуется помощь! Срочно требуется помощь!..

Но вместо помощи был получен приказ – закрепиться на высоте на сутки. Только через сутки должна была прибыть обещанная пехота. А ведь совсем недалеко, в трех-четыре километрах, находился танковый полк полковника Буранова. Неужели Суходол не может поднять его и бросить на выручку погибающему спецназу.

Марат связался с комбатом. И чуть не взвыл от отчаяния. Майор Лымарев был жив, но серьезно ранен. Он был вновь атакован крупными силами боевиков, и остатки его отряда держались из последних сил. Трагический финал был близок.

Та же ситуация сложилась и с группой Извекова. Он держал высоту, но боевики подтянули минометы и обстреливали наспех и плохо оборудованные позиции. Отряд разведчиков нес потери, и никто не спешил ему на помощь.

– Буран! Буран! Держись! – взывал в эфир Марат.

– Не надо позывных, Крушилин! – услышал он полный отчаяния голос Извекова. – «Нохчи» знают про нас все. Позывные, частоты, координаты... Нас загнали в ловушку, брат. Это все Суходол. Он в сговоре...

Это были последние слова, которые услышал Марат. Старший лейтенант Извеков погиб от прямого попадания мины. И его группа доживала последние минуты...

Теперь Марат точно знал, зачем Суходол ездил в Дуба-Юрт к «ополченцам». Наемникам Хаттаба нужно было продемонстрировать свое могущество, для этого им необходима была крупная победа. И они купили ее у российского генерала.

Возможно, свои деньги он получил еще в декабре прошлого года, когда изо всех сил пытался уничтожить разведбат морской пехоты. Тогда у него ничего не вышло. Зато сейчас он смог отработать свои «тридцать сребреников». Во время своего визита в Дуба-Юрт он разработал стратегию уничтожения спецназа. Затем туда же отправился его прихвостень полковник Курбатов. Пособник русского Иуды сдал «чехам» план предстоящей операции, вместе с ними разработал тактику уничтожения разведбата. И все у этих оборотней получилось. Разведотряды майора Лымарева и старшего лейтенанта Извекова обречены. Сейчас боевики добьют их, подтянутся к Дуба-Юрту, чтобы объединить свои усилия и уничтожить группу капитана Крушила. Возможно, у «чехов» есть резервные группы в непосредственной близости от селения. Тогда решающий удар будет нанесен раньше... Впрочем, наемники могут не спешить. Все равно Марат не дожидается от своих ни «вертушек», ни танков, ни пехоты...

Боевики обложили высоту со всех сторон. Плевать хотел Марат на приказ предателя. Была б возможность, он бросил бы свою группу на прорыв. Разорвал бы кольцо и вышел к своим, чтобы затем свернуть башку подлому генералу. Но возможности не было. Много раненых, с ними далеко не уйдешь. А оставлять их на расправу бородастым головорезам никто не собирался.

«Чехи» ударили на рассвете, с двух направлений. Сначала они обстреляли позиции из минометов, но разведчики к этому времени успели вгрызться в землю – и все равно потери были ощутимыми: трое убитых, пятеро раненых. Затем в бой пошла живая сила.

В лагерях Хаттаба наемников ориентировали на диверсионную войну, а тактике наступательного боя почти не уделяли внимания. Зато им дали другой козырь. Боевиков накачали наркотиками и только затем бросили на позиции разведчиков.

Обдолбленные «чехи» не ведали страха и перли напролом. По ним били из автоматов и пулеметов, забрасывали гранатами. Но, несмотря на большие потери, боевики упорно рвались вперед. Раненые, истекающие кровью, они не падали, а продолжали идти на пули. Не люди, а зомби какие-то...

Если бы они только шли вперед, но ведь они еще и стреляли на ходу. И не всем разведчикам удалось увернуться от пуль.

И все же на самых ближних подступах к позициям наступательный вал удалось сбить. Чуть более десятка боевиков сумели прорваться к спецназовцам, которых осталось совсем мало. На Марата вышли сразу три «чеха». Одного он снял автоматной очередью. Дотянулся до второго, но тот перед смертью успел выстрелить. Одна пуля попала в бронезилет, вторая чиркнула по голове. Разрывающая боль, в глазах ослепительные круги в круговерти окружающего мира. И непонятно, каким чудом он смог бросить свое тело под ноги третьего «чеха». Тот пытался застрелить его из автомата, но пули взрыхлили пустую землю. Марат схватил боевика за ноги, рванул их на себя. Противник выпустил из рук автомат, рухнул на спину. А Марат уже вытаскивал нож. Он действовал больше на рефлексах, чем осознанно. Но это не помешало ему правильно распорядиться своим преимуществом. Клинок вошел боевику точно в сердце. Там и остался: у Марата просто не было сил выдернуть нож обратно.

В кровавом мареве он кое-как дотянулся до автомата, обозрел поле боя. Но стрелять ни в кого не пришлось. Ни одного живого «чеха». Из разведчиков тоже никто не уцелел. Оставались только тяжелораненые бойцы, но проку от них никакого. А боевики наверняка предпримут новую атаку. И на этот раз точно добьются успеха.

Марат с трудом вскрыл индивидуальный пакет, с еще большим трудом перевязал голову. Боль и утробная тошнота мутили рассудок, перед глазами все плыло в кровавом тумане. Но нужно было держаться...

«Духи» потеряли штурмовую группу, но ценой этого зачистили возвышенность. У них еще были люди, а из разведчиков мог вести бой только Марат. И то последние силы иссякали. Еще чуть-чуть, и он просто потеряет сознание от слабости...

Боевики не стали ждать, когда силы оставят его. И снова пошли в атаку. Их было не так уж и много, человек семь-восемь. Но Марат прекрасно понимал, что не устоит. Ноги немели, руки отказывались слушаться. Он уже не мог даже сменить позицию для стрельбы. А это значило, что долго ему не продержаться. Пристреляются к нему «чехи», а затем и упокоят навсегда.

Боевики шли в полный рост. Обморочная хмарь застилала Марату глаза – он смутно видел вражеские силуэты. И каким-то лишь ему одним понятным чутьем сумел определить их вооружение. Автоматы с подствольниками, одноразовые тубусы «мух».

До слуха донесся шум танковых моторов. Но Марат воспринял этот шум как галлюцинацию. И не стал оборачиваться назад, чтобы увидеть российские танки. Зато их видели «духи». И судя по всему, у них не было никакого желания бросаться под поезд. Но прежде чем отойти, они обстреляли позицию, которую занимал последний защитник. Автоматы, гранатометы...

Марат успел спрятаться от пуль. Но в двух шагах от него разорвалась граната, и под огненные фанфары ударной волны его накрыл лепесток осколков. В первое мгновение ему показалось, что ему оторвало голову. А второго момента просто не было. Он уже не мог ни о чем думать. Черная мгла с воем поглотила его и утянула в водоворот небытия.

Глава четвертая

Бетти зажигала натурально. Горит баба изнутри и снаружи, сексуальный огонь – сто тысяч градусов по Фаренгейту... Она умела танцевать так, что у всех мужчин вокруг возникло желание стать ее личным пожарником, чтобы из личного брандспойта затушить страстное пламя. Но в клубе нельзя было напрямую пользоваться «огнетушителями». Зато позволялось «подбрасывать в огонь» зеленые и не очень купюры. И Бетти никогда не уходила со сцены с пустыми руками... э-э... трусиками...

Но сейчас в зале клиентов нет, есть только новый хозяин в окружении охраны и сотрудников клуба. Плешивый кругломордый толстобрюх нерусского происхождения. Просил звать его Алексеем Александровичем. Типа, русский. А реально его Алишер зовут. Азербайджанец по национальности. Старый хозяин, когда уходил, просветил. Впрочем, Каролине было все равно, кто именно владеет клубом, лишь бы деньги платили. И Бетти тоже готова угождать любому, лишь бы не обижали. Вон как старается... Каролина наблюдала за ней и завидовала той технике, с которой она исполняла танец. Завидовала по-хорошему. Сама она так танцевать не умеет, зато внешностью и фигурой она стоит двоих таких Бетти...

А Бетти уже заканчивает танцевать. Последнее «па»... Алишер сначала просто смотрит на нее с недоумением. Затем удивление облекается в словесную форму:

– Это что, и все?

Он говорит чисто по-русски, без всякого акцента. Потому как всю сознательную жизнь жил в Москве и все это время мечтал стать русским.

– Все, – кивнула Бетти.

Это сценическое имя. На самом деле ее зовут просто Таня. А Каролина по паспорту так и есть Каролина. Это мама ее так учудила. В деревне у них все Маруси да Евдохи одни вокруг, а ее на мериканьский манер Каролиной назвали. Тем и заложили в нее программу на будущее. Не хотела она жить с Маруськами да с Евдохами в одной деревне, поэтому с пятнадцати лет в город подалась. Вот, до Москвы уже добралась, третий год уже в этом клубе перед мужиками раздевается.

– А лифчик, а трусики?! – возмущенно протянул Алишер.

– Алексей Александрович, у нас так не принято, – удивленно посмотрела на него Бетти. Заведение у них солидное, танцовщицы здесь догола не раздеваются.

– А теперь принято! – отрезал новый хозяин. – И ты должна не просто раздеваться. Ты, девочка моя, должна снимать с себя все, а потом лезть на шест так, как будто на него можно нанизаться...

Каролину передернуло от этих слов. Самого бы этого старого козла на шест нанизать... Кто такие мужики? Две руки, две ноги, а посередине сволочь. Возомнили о себе и всерьез считают, что женщины существуют лишь для того, чтобы исполнять их скотские прихоти.

Но, сколько ни возмущайся, а хозяин – барин. И на шест полезет Бетти, а не Алишер. А вот Каролину голой в Африку лучше не посылать. Она сама кого хочешь пошлет.

– Уж лучше за бананами на шест лазать, – насмешливо бросила она. – А нанизываться не надо, порваться можно...

– Это кто там? – вздрогнул от неожиданности Алишер.

Каролина молча подошла к нему. Выдержала его оценивающий взгляд.

– За бананами, говоришь... – ухмыльнулся он. – Ну покажи, как надо за бананами на шест лазать.

– Не покажу, – покачала она головой. – На пальму папуасы лазают. Исключительно голышом. А я догола раздеваться не собираюсь...

– И бананы тебе не нужны? – в упор посмотрел на нее Алишер.

– Ни под каким соусом.

– А чего так?

– Объелась. До тошноты... И от тебя меня тоже тошнит!

По-любому, новый владелец клуба заставит девчонок танцевать под свою догола раздевающую дуду. Кто не согласен, тем пинка под зад. Уж лучше Каролина сама перед уходом пнет этого толстозадого мудака...

– Что ты сказала? – взъелся Алишер.

– Что слышал! – уже на ходу бросила она.

Каролина зашла в общую гримерку. Пять минут на переодевание, и гуд-бай. Жалеть она не будет. Ее хотят видеть в другом, не менее элитном клубе. Правда, там придется танцевать без лифчика, зато трусики останутся на месте... И хозяин в том клубе нормальный. Вернее, относительно нормальный...

Она уже переделалась, когда в гримерку вломились два охранника Алишера. Грозные на вид ребята, да еще и крепкие к тому же. Смотрят на нее мрачно, исподлобья.

– Пошли, хозяин зовет! – потребовал один.

– Это у тебя хозяин есть, а я бесхозная, понял! – огрызнулась Каролина. – Куда хочу, туда и иду. А хочу я домой! Так что гуляйте вальсом, ребята!

Нельзя себя так вести. Чревато последствиями. Но натура у нее такая – не любит она, чтобы ею командовали. И каждый выпад против ее женского достоинства рождает в ней бурю протеста. И нет сил держать эту бурю в себе...

Она поправила прическу, набросила на плечо сумочку и направилась к выходу. Но грозные ребята перегородили ей путь, заставили остановиться. Один из них положил ей руку на плечо, приблизил свою голову к ее лицу, впился в нее угарным взглядом.

– Ты что, не понимаешь?.. Если не понимаешь, объясню!

Каролина изобразила испуг и замешанную на нем покорность. Со стороны могло показаться, что она готова искупить свою вину верным служением в хозяйской постели. И хозяйских холуев тоже не хочет обидеть...

– Я все понимаю, – распутно-угодливо улыбнулась она.

И в ласковом порыве накрыла ладонью лежащую на плече руку. Но на этом вся ее нежность вдруг закончилась. Рука охранника оказалась сначала в жестком захвате, а затем сильным резким движением была заломлена за спину.

Каролина выгнула противника дугой и распрямленной ладонью ударила его под задранный подбородок. Удар поставленный, четкий. Охранник вмиг лишился чувств.

Его компаньон быстро оправился от неожиданности и ударил Каролину кулаком в лицо. Но каким-то чудом она сумела увернуться. И обрушила на охранника град ударов.

Руки у нее только на вид тонкие и слабые. На самом деле рука у нее тяжелая, кулак крепкий, удар хлесткий. Она умела бить быстро и сильно. Но, видимо, ее противник прошел хорошую школу. Он ловко увертывался от ударов, отбивался от них, а те, которые пропускал, держал своим чугунным подбородком. И если бы не сумасшедшая скорость, с которой Каролина лупила его, он смог бы ответить сокрушительной боксерской серией. А так он мог только отбиваться... Но побеждает тот, кто нападает. И в конечном итоге охранник все же пропустил мощный удар и сел на задницу.

И в этот момент Каролина получила сильный удар в спину. В падении она сгруппировалась, поэтому на полу не задержалась – мгновенно вскочила на ноги в готовности отразить очередной удар. Но противник на нее не нападал. Он просто держал ее на мушке пистолета. Это был третий охранник Алишера. А сам хозяин-барин стоял за его спиной и потрясенно смотрел на Каролину. Глянул на одного своего охранника, на другого. Один в отрубке, второй плывет на заднице по волнам нокаута.

– Ты настоящая дикая кошка, – сказал Алишер. – Где так царапаться научилась?

– А в джунглях и научилась. Чтобы от волков позорных отбиваться...

Драться она еще в детстве научилась. Брат у нее был первым задирой на деревне, и она старалась от него не отставать. В пятнадцать поступила в финансово-экономический колледж в областном центре. А там общежитие, охочие до слабого пола недоросли. В первый же месяц Каролину едва не изнасиловали четыре выродка, насилие отбилась. Записалась в секцию кик-боксинга, о чем нисколько не жалеет. И здесь, в Москве, продолжает заниматься. Это кенгуру водятся только в Австралии, а козлы – их среда обитания распространяется на весь шар земной. И в любом городе мира их как грязи...

– Нехорошо людей волками называть, – осуждающе покачал головой Алишер. – Да еще позорными...

– Нехорошо женщин за людей не считать, – в ответ усмехнулась Каролина.

– А что тебе не нравится? Не хочешь догола раздеваться? Гордая?

– Гордая не гордая, а принципы у меня есть.

– Это хорошо, когда у девушки есть принципы... – хитро улыбнулся Алишер. – Плохо, когда денег нет.

– А ты за меня не волнуйся, я без твоих денег не пропаду... И скажи своему придурку, чтобы он «пушку» свою убрал. Все равно ведь стрелять не будет...

Алишер сначала велел своему охраннику спрятать пистолет, а затем спросил:

– Почему ты думаешь, что он не станет в тебя стрелять?

– Потому что ты не дашь команду. Я слишком маленькая для тебя проблема. Зачем тебе на меня размениваться? Зачем большие проблемы себе создавать?

– Приятно иметь дело с умной и смелой девушкой, – оскалился Алишер. – А если эта девушка еще и красивая...

– Ты что, жениться на мне собираешься? – язвительно усмехнулась она.

– А надо? – оскалился он.

– Не надо. Потому и дифирамбы мне петь не надо. Говори, что тебе надо, и разойдемся...

– Какая ты торопливая... Так вся жизнь мимо пройдет, если торопиться будешь... Предложение у меня к тебе, деловое. Ты не хочешь танцевать совсем голой.

– Не хочу, – подтвердила она.

– Что ж, оставайся в купальнике. Но не на сцене, а на татами...

– Где?

– На татами... Ты думаешь, у меня один клуб? Нет, у меня четыре таких клуба. И стриптиз есть, и женская борьба...

– Женская борьба?! Это что, в грязи кувыряться?

– Зачем в грязи? В масле... В купальниках и в масле. Но учти, если с тебя стянут лифчик, сама будешь виновата...

– Это что, новый вид спорта такой – «стяни лифчик»?! – ухмыльнулась она.

– Зачем вид спорта! Просто борьба. На раздевание.

– Борьба на раздевание? Оригинально.

– Оригинально. И доходно. У мужчин на такую борьбу большой спрос, да и дамам тоже нравится. Так что за бой платим хорошо. Если победишь, получишь полторы штуки баксов, если проиграешь, но не сразу – тысячу. А если сразу, тогда еще и штраф заплатишь...

– Ты говоришь так, как будто я уже согласна.

А ведь Каролина была близка к согласию. Она отдавала себе отчет, что до звания «ангел года» ей далеко, как до Луны на воздушном шаре. Да, она терпеть не может раздеваться на людях, да, она не спит за деньги с неприятными ей клиентами. Но ей ничего не стоит начистить фейс какой-нибудь мочалке, имевшей неосторожность встать у нее на пути. Она поставила перед собой цель выбиться в люди. Для этого ей нужны деньги. Чем больше, тем лучше. А тут вариант: помнешь чье-то лицо – пополнишь свой лицевой счет. Полторы тысячи долларов

за один раз. И раздеваться догола не надо, и ложиться под потного мужика тоже... Под бабу можно лечь и без трусов толпе на потеху остаться. Но ведь она будет защищаться, так просто ее не разденешь...

– Согласишься, – уверенно сказал Алишер. – У меня знаешь, сколько желающих на вакансию, о! Но беру не всех. Только тех, кто умеет бороться. И чтобы красивая была... По два-три раза за ночь будешь драться. Бьют не сильно, и заработать всегда можно. Сама будешь бить, шесть штук за ночь будешь получать. Где ты еще такую работу найдешь?

Каролина быстренько все подсчитала. В месяце тридцать дней, по три тысячи за ночь – выходит почти сто тысяч долларов в месяц. Только вряд ли ей дадут работать каждую ночь, и побеждать она будет не всегда. Но даже если уменьшить предполагаемую сумму на порядок, это уже здорово...

– А глянуть можно? – спросила она.

– Само собой... Сегодня посмотришь, а завтра и сама выйдешь.

В тот же вечер она была в ночном клубе Алишера. Большой зал с небольшой ареной посередине. Столики по кругу и по восходящей спирали – для лучшего обзора. Все места заняты. За столиками в основном завсегдатаи. По большей части мужчины. Состоятельная публика. И азартная. А там, где азарт, там и тотализатор.

Плюс к игровым страстям эротическая интрига. Каролина и сама не без интереса наблюдала за поединком двух блондинок. Они барахтались в подсолнечном масле, пытаясь сорвать друг с друга купальники. Поначалу ожесточение и злоба были показными. Но когда девчонки раскочегарились, они в самом деле готовы были поубивать одна другую. Спустя три-четыре минуты одна блондинка осталась без лифчика, и мужики, как дикари, взвыли от восторга. А что творилось с ними, когда с проигравшей красотки были сорваны еще и трусики...

– Ну как? – спросил Алишер.

– Я не думала, что надо раздевать соперницу догола, – недовольно покачала головой Каролина.

– Толпа жаждет зрелищ, отсюда и правила... Мне нравится, как ты рассуждаешь. Не тебя, а ты должна раздевать...

– Потому что по-другому и быть не может, – усмехнулась Каролина.

Ничего страшного в этой борьбе не было. Соперницы не ставили себе целью избить друг дружку. Главное – сорвать купальник. Хотя реально было схлопотать по зубам и под глаз... Волков бояться – в лес не ходить.

Она дала согласие, но на масляную арену вышла только через пять дней. Так и есть, лукавил Алишер, когда говорил, что драться она будет каждый день. Первые дни рабочей недели считались некассовыми, и боев на раздевание в клубе не было. В четверг у людей появлялся интерес, и они шли в заведение за зрелищами. Но шли не очень, и боев было мало. А вот в пятницу и субботу арена бурлила, как кипящее масло в чугунном чане. И нужно было пользоваться моментом, чтобы сорвать куш.

Каролина вышла на публику в серебристом купальнике с бутафорскими конусами на лифчике. Ступила на арену – ноги по щиколотку утонули в масле. Ощущение не самое приятное, но вполне терпимое. И тело уже в масле.

Соперница тоже масляная. Стоит напротив Каролины. Стройная смазливая брюнеточка. На губах злорадная улыбка прожженной коблы. Дескать, иди сюда, милашка, сейчас я тебе покажу, что делают опытные тети с глупыми девочками...

Видно, что брюнетка очень хочет победить в этом бою. И вовсе не для того, чтобы совладать с соперницей. Призовые деньги не могут быть лишними. Но ведь и Каролина хочет заработать, только ради этого она здесь. Так что на легкую победу ее соперница пусть не рассчитывает. Она и сама не строит иллюзий. Ведь она новичок в боях на раздевание, а соперница у нее достаточно опытный боец. Возьмет да и оставит в чем мать родила. Но ведь от этого

не умирают. К тому же свои пятьсот баксов Каролина отобьет, если продержится хотя бы две минуты...

Каролина обвела взглядом публику. Леди и джентльмены пьют водку и коньяк, а зрелищами закусывают. Весело им. И азартно... Что ж, делайте ставки, сэры и сэрихи...

С ударом гонга брюнетка с ревом бросилась на соперницу. Но Каролина упала ей в ноги, опрокинула ее на спину. Только вот до лифчика дотянуться не удалось. Путь преградила скользкая от масла рука, затем нога. Та же нога больно уперлась ей в живот, масляные руки попытались обхватить ее шею. Но ведь сама Каролина скользкая от масла, ее так просто не схватишь...

Борьба в масляной луже на раздевание. Верх идиотизма. Но, как бы то ни было, надо бороться и, по возможности, побеждать...

Каролина не смогла с ходу раздеть соперницу. Зато она провела разведку боем и сумела сохранить свои «доспехи». В конце концов она изловчилась и под грохот аплодисментов сорвала с брюнетки лифчик.

Брюнетка не осталась в долгу. Также сорвала с нее верхнюю часть купальника. Но это случилось уже в тот миг, когда Каролина скидывала вверх руку со сжатыми в ней «вражескими» трусиками...

Она победила. И толпа извращенцев ревела от восторга. Ей противно было на них смотреть. Но приятно было осознавать свой успех...

В тот вечер она выходила на арену трижды. И все три раза победила. Но распорядитель боев, младший брат Алишера, деньги зажал.

– Завтра расчет, – с важным видом зевнул он.

А назавтра Каролина была заявлена сразу на три боя. И снова было барахтанье в кипящем от страстей масле. Два раза она оставалась без лифчика. Но никому не позволила стянуть с себя трусики.

– Молодец, – скупно похвалил ее распорядитель. – Еще один бой, и получишь расчет. Шесть тысяч баксов твои...

Каролина не возражала против того, чтобы заработать лишнюю тысячу. Но Темир предложил другую цену.

– Сейчас ты проиграешь, и получишь две «штуки», – просто, как о чем-то обыденном, сказал он.

– Как проиграешь? – она удивленно посмотрела на него.

– Да очень просто. Руки вверх, трусы вниз... Ты что, неграмотная? На тебя же ставки делают. А мы эти ставки перебьем... Поняла?

Разумеется, Каролина все поняла. Не первый год в городских джунглях... Публика вознесла ее в разряд победительниц. Для большинства клиентов она уже стала призовой лошадью, и мало кто поставит против нее. И среди этих «мало» будет человек Темира. Каролина проиграет, и этот деловар сорвет приличный куш... Закон дикого тотализатора – в честные игры играют только лохи.

– Да я-то поняла, – пожала она плечами. – Только не хочу, чтобы меня раздевали...

– Э-э, зачем так говоришь? – поморщился Темир. – Я тебе деньги предлагаю, а ты ломаешься...

Действительно, смешно строить целку после третьего аборта. И Каролина это понимала. Ну разденут ее толпе на забаву, от нее ж не убудет. Как будто ей впервой на публике раздеваться... Вот если б ее сексом заставляли заниматься, тогда бы она точно отказалась. А тут всего лишь оголиться...

– Ладно, как скажешь, – пожала она плечами.

Что означало ее согласие.

– Ну и о'кей! – улыбнулся Темир.

И в молодецком угаре хлопнул ее по попе. Каролина вроде бы и не обиделась. Но Темир почему-то оказался на полу.

– Извини, – улыбнулась она. – Я не хотела. Автоматически вышло...

Распорядитель ничего не сказал. Только рукой махнул. Иди, мол, от греха подальше, пока я не разозлился...

А идти ей было куда. Ее ждала арена эротико-идиотского цирка. И никуда от нее не денешься...

Ее соперницей была вчерашняя брюнетка. На Каролину она смотрела без всякой опаски. Видимо, она уже знала, что ее ждет победа.

Каролина сопротивлялась для приличия. Сначала с нее слетел лифчик, затем руки соперницы ухватились за резинку трусиков.

– Вчера я должна была проиграть, – в пылу борьбы прохрипела брюнетка. – Сегодня ты...

Каролина поняла, что ей нагло врут. Никто не должен был ей вчера проиграть. Эта же брюнетка боролась с ней вчера всерьез. Проиграла ей в честной борьбе, а теперь брешет, что это была договоренность.

Все люди врут. На то им и дан разум, чтобы врать. Но не всякую ложь можно стерпеть. На вранье брюнетки Каролина отреагировала, как бык на красную тряпку. В порыве безотчетной ярости она выкрутила сопернице руку, подмяла ее под себя. Сначала сорвала лифчик, затем и все остальное... Победа досталась ей.

– Ну и зачем ты это сделала? – на удивление беззлобно спросил Темир.

– Так получилось, – пожала плечами Каролина.

– Автоматически?

– Автоматически, – кивнула она.

– Ты что, машинка-автомат, что ли?

– Ну, может быть.

– И я машинка, – осклабился распорядитель. – Счетно-вычитающая... Знаешь, почему вычитающая? Потому что десять тысяч баксов из твоего гонорара вычел. А как ты хотела! Уважаемые люди из-за тебя на деньги попали. Вот ты и вернешь им эти деньги... Так что с тебя, дорогая, еще четыре штуки баксов...

Каролина зло стиснула зубы, но промолчала. Должна была получить на руки семь штук, а вместо этого осталась должна четыре. Но в чем она могла упрекнуть распорядителя? Ведь он договорился с ней, а она нарушила их договор. А в этом мире люди отвечают друг перед другом деньгами. А иногда и головами. Но лучше деньгами. Поэтому не стоит поднимать волну. Тем более что сам Темир этого не делает. Хотя у него у самого внутри все кипит от возмущения...

– Могу еще один бой тебе оформить, – сказал он.

– Спасибо, как-нибудь в другой раз, – покачала она головой.

Не так уж это и просто выдержать три боя подряд. Ты ломаешь, тебя ломают – усталость, ушибы, синяки. Еще и вчерашняя ночь дает о себе знать. Домой надо ехать, отдыхать – готовить себя к завтрашнему шоу. Завтра будет всего две схватки – воскресенье все-таки, канун самого тяжелого дня в неделе – понедельника.

Каролина приняла душ, оделась и покинула клуб через черный ход. Подошла к автостоянке, с пульта вскрыла свою «девятку». Только открыла дверцу, как из темноты послышался взволнованный мужской голос:

– Девушка, погодите!

Каролина недовольно поморщилась. Началось. Она уже привыкла к особо озабоченным клиентам. Есть категория эротоманов, которые пытаются снять понравившуюся танцовщицу через руководство клуба. А есть такие, которые действуют напрямую. И с теми, и с другими подвидами Каролина много раз сталкивалась в бытность свою стриптизершей. Ей делали сальные предложения через распорядителя, подкарауливали возле машины, чтобы увезти с собой

в ночь. Сейчас она хоть и не танцовщица, но участница секс-шоу, и неудивительно, что у нее появился поклонник. Гнать в три шеи таких козлов нужно.

Каролина не стала дожидаться, когда возбужденный клиент выйдет на свет. Нырнула в машину, хлопнула дверью, вставила ключ в замок зажигания.

А вот и поклонник. Видный, надо сказать, парень. Лет двадцать, может, чуть больше. Высокий, стройный, в плечах задел, джинсовый костюм явно не с вьетнамского рынка... Каролина выжала ногой сцепление, но заднюю скорость включать не торопилась. Парень ее заинтриговал. Обычно ее преследовали какие-то уроды, с которыми на один гектар присесть стыдно. А тут симпатяга...

Она опустила боковое стекло. Спросила:

– Какие-то проблемы?

Фингал под глазом не мешал ей говорить с чувством собственного достоинства.

Парень смущенно смахнул со лба прядь темных волос. Невнятно пробормотал:

– Ну, не проблемы, просто...

– Тебя подвезти?

– Подвезти?!.. А-а, подвезите. Если, конечно, это вас не затруднит...

– Да какие уж могут быть трудности в третьем часу ночи? – усмехнулась она. – Садись.

Парень не заставил себя долго ждать, забрался в машину на переднее пассажирское сиденье.

«Девятка» у нее старенькая, десять лет от роду, но внутри уютно, пылью и потом не пахнет.

– Куда едем?

Она не торопилась включать заднюю скорость, чтобы вырुлить с автостоянки.

– Да мне, в общем-то, все равно.

– Понятно.

– Что понятно?

– Да ко мне домой хочешь, то и понятно.

– Ну, я, в общем-то, и не думал. Но если пригласишь на чашечку кофе...

– Кофе дорого стоит.

– Сколько? – оживился он.

Видимо, решил, что она собирается обговорить с ним цену за известно какие услуги.

– Миллион, и ни копейки меньше.

– Хорошо, пусть будет миллион...

– И тебе не жаль миллиона за чашечку кофе?

– Нет, мне не жаль миллиона, чтобы получить тебя!

– Неужели я так дорого стою?

– Несомненно.

– Ну, спасибо!

Как всякой девушке, ей приятно было слушать комплименты. А сумма в миллион звучала не более чем как комплимент. Откуда у этого парня целый «лимон». А если бы и был, он бы не стал тратить его на Каролину. Хорошо, если три сотни баксов предложит...

Он мог бы предложить, а она бы, пожалуй, не стала отказываться. Она не спит за деньги с неприятными ей мужчинами. А этот парень хоть куда. С таким и за просто так можно роман крутануть. Она ж не дикая, чтобы чураться секса.

– А может, ко мне поедет? – спросил он.

– С папой и с мамой знакомиться? – подколола его Каролина.

– Нет, – стусевался он.

– Да ты не переживай, я в жены не набиваюсь, – весело улыбнулась она.

Даже глупо думать об этом...

Когда-то она всерьез рассчитывала на выгодную партию с каким-нибудь «новым русским». Но скоро поняла, что эти господа не очень-то жалуют ночных танцовщиц. Вернее, жалуют, но исключительно в плане секса. Правда, иногда ей приходилось выслушивать самые настоящие объяснения в любви. Думала все – любовь, обеспеченная и беззаботная жизнь. Но сказка очень быстро заканчивалась. Уже на следующее утро ее вежливо выставляли за дверь. В конце концов она перестала питать глупые надежды. Мужикам только одно нужно – сунуть-плюнуть, а там хоть и не рассветай. Она уже поняла, что на них в этой жизни полагаться нельзя. Всего нужно добиваться самой...

Да и не «новый русский» этот паренек, чтобы строить планы на совместное с ним будущее. Разве что на одну-две ночи...

– Да это без разницы, набиваешься ты или нет, – грустно вздохнул парень. – Нет у меня родителей, чтобы тебя с ними знакомить...

– Сирота?

– С недавних пор... Не хочу говорить об этом.

– Извини.

– Да ты-то в чем виновата?

Он открыл дверь и вышел из машины. Расстроился. Каролина мысленно попеняла себе. Не надо было затрагивать болезную тему...

Парень вышел из машины, но далеко уходить не стал. Остановился в нерешительности, достал сигарету, закурил. Каролина пожалала плечами, дала задний ход, выехала на дорогу. Немного подумала и вернула машину на место. Поманила парня к себе. Тот без раздумий принял ее приглашение.

– Плохо тебе? – спросила она.

– Плохо, – уныло кивнул он.

– А в клуб зачем тогда приходил? Развеешься?

– Да нет, вчера случайно оказался.

– А сегодня?

– Сегодня на тебя пришел посмотреть. Ты мне вчера очень понравилась...

– Понятно. Пришел посмотреть, как тусовки с меня снимут, – язвительно усмехнулась она.

– Ну зачем же так? – нахмурился он.

– Как? Как есть, так и говорю. Все вы за одним сюда ходите...

– Я сюда пришел не за этим, – он пристально посмотрел на нее. – Ты мне вчера понравилась, а сегодня я пришел, чтобы познакомиться с тобой...

– Ну, знакомься. Меня Каролина зовут. Это настоящее имя...

– Эммануил, – улыбнулся он. – Тоже настоящее имя... Называй меня просто Эм.

– Ну и чего тебе от меня нужно, Эм? Хочешь секса?

– Зачем так прямо?

– А поздно уже, чтобы юлить... Ты же меня к себе не музыку слушать приглашаешь?

– Ну, можно и музыку...

– Хорошо, поехали слушать музыку.

Он знал, зачем она ему нужна. И она знала, зачем едет к нему. Так зачем тратить время на глупые разговоры?

Эм жил на Кутузовском проспекте недалеко от Садового кольца. Роскошная элитная многоэтажка, охраняемый двор с автоматическими въездными воротами. К машине подошел охранник. Эм помахал ему рукой, и тот узнал его, открыл ворота.

– Я свою машину возле клуба оставил, – небрежно сказал Эм. – Так что место на стоянке свободно...

Он имел в виду подземную автостоянку. Но Каролина нашла свободное место возле подъезда на поверхности земли. Ее «девятке» не повредит ночь на открытом воздухе. А бояться, что ее угонят, – только людей смешить.

Эм бережно взял ее за руку, повел к парадному. И там был охранник, но его пропустили без вопросов и ее вместе с ним. Скоростной лифт поднял их на самый верхний, двадцать четвертый этаж.

На лестничной площадке всего лишь две квартиры. И двери одной из них распахнулись для Каролины.

Квартира роскошная. Просторный холл, множество комнат, две ванны. Обстановка на миллион долларов. И все это принадлежало Эму... Не простой он, оказывается, парень. Но ей-то что. Мальчик возжелал девочку не своего круга. Как добьется своего, так и выставит за порог. А она не дура, чтобы строить из себя целку на пустом месте. Он же знает, откуда она взялась, небось думает, что на ней клейма ставить негде. И если она начнет кочевряжиться да набивать себе цену, он просто вежливо пошлет ее куда подальше и оставит без горяченького. А она уже настроилась на секс. Мальчик-то очень хорош собой. И она даже не собирается брать с него плату за услуги. Она же не проститутка... А если он сам предложит деньги, отказываться она не станет. Почему бы не совместить приятное с полезным?..

– Я бы не отказалась от ванной, – сказала она.

– А это обязательно?

Он мягко взял ее за талию, нежно привлек к себе. Его мужские флюиды обжигающим потоком впитались в кровь – жарким пламенем вспыхнул страстный огонь... Да, ванная ей нужна: она не очень хорошо вымылась в душе, остатки масла сушат кожу, вызывают дискомфорт. И волосы слипшились. Но ей хорошо и без ванной. Она уже задыхалась от желания и не чувствовала в себе сил, чтобы оторваться от Эма.

– Ты же видел, я с ног до головы была в масле, – прошептала она. – Не совсем отмылась...

– Лучше бы ты совсем не мылась, – также жарко прошептал он. – В масле ты такая... Я так тебя хотел, когда ты была на арене...

Да он маньяк, без всякого сарказма подумала Каролина. Его возбуждают липкие от масла женские тела... Что ж, у каждого своя фишка.

– А сейчас не хочешь? – улыбнулась она.

– Не хочу? Да я с ума схожу, так тебя хочу!

– Значит, будем бороться...

– Да. И ты можешь сопротивляться. Но не очень...

– Может, сразу сдаться?

– А это тебе решать...

Он жаждал борьбы, но футболку с нее снял бережно. Лифчика под ней не было, и он сразу припал губами к ее груди...

Борьбы не получилось. Возбужденная Каролина сдалась без боя. Позволила себя раздеть. Позволила швырнуть себя в пучину кипучей страсти...

Но Эм оказался великолепным любовником. Он не только смог вознести ее на седьмое небо блаженства. Он заставил ее почувствовать себя победительницей...

А затем они оба отправились в ванную. Нежились в джакузи, пили французское вино, мололи всякую чепуху. А потом он закутал ее в безразмерно огромное банное полотенце и отнес в спальню. И снова был головокружительный полет. И мягкое, усыпляющее приземление...

Проснулась она в его объятиях. На часах – половина третьего дня. Эм спит, чему-то улыбается во сне. Каролина поймала себя на мысли, что ей приятно смотреть на него. И так не хотелось вылезать из постели, куда-то идти.

А идти надо. Домой. Как говорится, хорошего понемногу... При всех своих достоинствах Эммануил – мужчина. Он уже добился своего, и Каролина ему больше не нужна. И он будет только рад, если она исчезнет незаметно. Проснется, а ее и след простыл. Он лишь облегченно вздохнет. А вечером он покинет свой дом в поисках новых приключений...

Каролина мягко убрала со своего плеча его руку, тихонько поднялась с постели. Встала в полный рост, сонно потянулась перед зеркалом. Фигурка у нее отличная, и лицом хороша. Кожа матовая, нежная и упругая на ощупь, на теле ни единого изъяна, если не считать нескольких едва заметных синяков. Но ей уже двадцать четыре. Годы еще не имеют над ней власти, но время идет, и когда-нибудь она познает на себе печать надвигающейся старости... А-а, чему быть, того не миновать. Она беспечно махнула рукой и обозрела комнату в поисках своей одежды.

Случайно взглядом наткнулась на Эма. Он не спал. Скрестил руки за головой, лежит и бессовестно смотрит на нее. Встретился с ней глазами, весело улыбнулся.

– Извини, не мог отвести взгляд. Ты такая красивая...

Каролина скептически усмехнулась. Какой смысл расточать комплименты после того, как все уже случилось?..

– Я знаю.

– Ты чем-то расстроена?

– Нет, просто не выпалась.

– Так в чем же дело? Давай ко мне, поспим еще немного...

– Ну да. Мне еще домой нужно. Сегодня у меня снова «масленица».

– А оно тебе нужно? – поморщился Эм.

– У каждого свой кусок хлеба.

– Тебе что, миллиона на хлеб не хватит?

– Какого миллиона?

– А миллион рублей. Мы же договаривались... Ты назвала цену, я согласился. Так что можешь получить свой миллион.

Вот молодец, заливаешь – даже глазом не моргнет.

– Боюсь, что не унесу, – усмехнулась она. – Руки отвалятся... Считай, что ты меня насмешил.

– Да я и не собирался тебя смешить... Назови мне свои банковские реквизиты, и я перечислю на твой счет миллион, – с самым серьезным видом сказал он.

– Ты издеваешься?

– Даже в мыслях нет...

– Тогда ты просто сумасшедший... Я же в шутку про миллион сказала.

– Но я-то не шутил...

– А это твои проблемы... А моя проблема в том, что я не проститутка. И сплю только с теми, кто мне очень нравится...

Она не стала говорить, что не отказывается от предложенных денег. И сейчас бы не отказалась. Но миллион – слишком большая сумма, чтобы ее можно было воспринимать всерьез. Вот будет облом, если она согласится взять деньги, а Эм рассмеется ей в лицо.

– Ты хочешь сказать, что я тебе очень нравлюсь?

– Чего я хотела, то я уже получила. Извини, мне уже нужно идти...

– Куда идти? – возмутился Эм. – Снова в этот гадюшник! Чтобы тебя рвали на потеху толпе!

– В гадюшник, – кивнула она. – Потому что в этом гадюшнике неплохо платят...

– Сколько?

– Вчера я заработала три тысячи долларов.

Пришлось умолчать, что этих денег она и в глаза не видела. Не хотелось вдаваться в подробности.

– Хорошо, я дам тебе три тысячи. Только никуда не уходи...

Каролина потрясенно посмотрела на него. Или он спянул, или ему деньги некуда девать. А может, он просто хочет, чтобы она осталась с ним.

– Я тебе еще не надоела?

– Ты не можешь мне надоест! – уверенно заявил Эм.

Хотелось бы, чтобы оно так было на самом деле. Но жизнь отучила ее во что-либо верить.

– Это ты сейчас так говоришь, – горько усмехнулась она. – А потом прогонишь за ненадобностью... Так что уж лучше я сразу уйду, пока к тебе не привязалась...

– А если я хочу, чтобы ты ко мне привязалась? Если я хочу, чтобы ты всегда была со мной?

– Зачем я тебе такая?

– Какая?

– Ой! Только не надо! Ты все прекрасно понимаешь... Я, дорогой мой, не только в масле купаюсь, но еще и стриптиз танцую...

– Ну и отлично! Будешь и дальше танцевать, но только для меня...

– Ты говоришь так, как будто меня покупаешь.

– Я не хочу тебя покупать. Я хочу, чтобы ты просто была со мной. И мне наплевать, что у тебя было до меня... Ты мне нравишься. Ты мне очень-очень нравишься, понимаешь?

– Я понимаю, что ты очень молод и глуп... Сколько тебе лет?

– Двадцать один год. Так что я полностью совершеннолетний...

– Ну да, можешь водку пить и с девочками гулять. Гуляй с девочками, только не привязывай их к себе...

– А меня только одна девочка интересуется. И я хочу ее крепко-накрепко к себе привязать...

Он подошел к ней, нежно обнял, привлек к себе. И снова ее закружил водоворот страстей...

– Привязывай, – пьянея от возбуждения, кивнула она. – Только смотри, если отвяжешь, я за себя не ручаюсь...

Женщины имеют свойство влюбляться. А влюбленные женщины очень опасны. Так что, пока не поздно, пусть Эм отпускает ее в свободное плавание. Но он не собирался ее никуда отпускать. И самым наглым образом затащил в кровать. А она балдела от его наглости...

Глава пятая

Марат с трудом разлепил веки. Перед глазами колыхнулось туманное марево и тут же расползлось. Он увидел белый в пятнах потолок, сферический плафон под ним. Лампа не горела, потому что дневной свет поступал от окна...

Какое-то движение. Да, какая-то пожилая женщина в белом халате возит по полу шваброй. Наверное, это санитарка. А сам он в больничной палате. Голова словно чугунная, в глотке все пересохло. И еще какие-то трубочки дерут носоглотку. От рук тянутся какие-то провода. Никаких зажимов он не чувствует, как не чувствует самого тела. Как будто нет никакого тела, как будто на подушке лежит одна только голова...

Санитарка походя скользнула по нему бесцветным взглядом. Снова уставилась на швабру. Но тут ее как будто током шарахнуло. Дернулась, уставилась на Марата, глаза полезли на лоб.

– Батюшки, очнулся... Очнулся!..

Она пулей выскочила из палаты. Вернулась в сопровождении врачей.

Перед глазами у Марата все плыло. Он с трудом различал склонившиеся над собой лица. Голоса людей гудели в ушах, как отзвуки заплутавшего эха.

Врачи что-то спрашивали у него, но он не мог отвечать. Появилась медсестра с уколком. Но Марат потерял сознание еще до того, как в его онемевшую плоть ввели шприц.

Когда он очнулся, вокруг него никого уже не было. Никаких трубочек и проводков. Компьютер отключен. Голова уже не такая тяжелая, и тело он чувствовал. Но подняться он вряд ли сможет. Сил нет. Внутри холодно и пусто.

В палату кто-то вошел. И тут же над ним склонилось чье-то женское лицо в белой шапочке. Он попытался сфокусировать на нем взгляд, но тщетно. Не хватало резкости, чтобы во всех подробностях разглядеть склонившуюся над ним женщину. Но можно было предположить, что она очень симпатичная. И еще от нее приятно пахло лекарствами...

– Где я? – спросил он.

Но женщина покачала головой. Похоже, она не разобрала слов. Неудивительно. Он не говорил, а клокотал...

Женщина подала ему стакан воды, помогла напиться. Он смочил горло и снова задал тот же вопрос. На этот раз она его поняла.

– В госпитале. А я ваш врач, Елена Ивановна...

Да, он должен быть в госпитале, а не в обычной больнице.

– Вы помните, что с вами было?

Марат кивнул. Как забыть тот проклятый бой, в котором полегли его бойцы. Он помнил, как рядом с ним разорвалась граната. Но прежде появились российские танки. Он был тяжело ранен – его забрали с поля боя, отправили в госпиталь. И теперь он здесь...

– А Эдик где? Старший лейтенант Извеков... А Лымарев?..

Взгляд его обрел достаточную резкость, чтобы увидеть, как изменилась в лице женщина. Она скорбно опустила глаза.

– Что с ними?

– С ними все в порядке, – вымученно улыбнулась она.

– Не надо меня обманывать. Говорите правду... Тем более что я знаю – выжить они не могли... Говорите, истерики не будет... Будет ненависть... А ненависть – это сила... мне сейчас нужна сила...

Елена Ивановна в сомнении пошевелила бровями. Вряд ли она принимала ненависть за оздоровительную силу. Но готова была согласиться, что она могла помочь ему закрепиться на поверхности жизни.

– Они погибли? – спросил он.

Она удрученно кивнула.

Марат сжал кулаки и стиснул зубы. Внутри все закипало от ненависти... Наверное, Елена Ивановна думала, что его злость обращена против чеченцев. Да, неплохо было бы взять с них расчет. Но Марат думал сейчас не о них. Все его мысли были заняты предателями. Все-таки добился своего генерал Суходол, все-таки смог загнать разведбат в чеченскую ловушку. И пес Курбатов был с ним заодно. Он слил «чехам» позывные, частоты, координаты...

Благодаря этим сволочам чеченцы уничтожили целый батальон. Эта победа дорогого стоит. Наверняка Суходол и Курбатов сорвали за счет своей подлости немалый куш. Как бы эти кровавые деньги им поперек горла не встали. Если сами не встанут, то Марат им поможет. Чего бы ему это ни стоило, он доберется до этих уродов.

– Когда... Когда их будут хоронить?

Елена Ивановна удивленно повела бровью. Но как будто спохватилась.

– Их уже похоронили... Еще год назад похоронили...

– Год назад? – потрясенно переспросил Марат. – Вы хотите сказать...

– Да, вы целый год провели в коме...

Его ранило в мае двухтысячного года. А на дворе уже июнь две тысячи первого.

У него было два ранения в голову – пулевое и осколочное, плюс обширная контузия. Осколками посекло руки и ноги. Сначала его доставили в Моздок, где сделали первую операцию. Затем был Ростов-на-Дону. И там его оперировали. После чего отправили в московский госпиталь имени Бурденко, где им занялись лучшие нейрохирурги страны. Операция прошла вроде бы успешно, но Марат возвращаться к жизни не торопился. Врачи сделали ставку на его крепкий организм. И не ошиблись. Он оправдал их надежды. Он возвратил свое право на жизнь...

Разговор с Еленой Ивановной забрал у него много сил. Марат снова нырнул в забытие. И не безвозвратно. Он снова пришел в себя и попал в руки врачей. Его обследовали, тестировали, задавали глупые вопросы – как будто хотели узнать, идиот он или нет. Но тяжелое ранение никак не отразилось на его мыслительной функции. И с двигательными функциями вроде бы все было в порядке. Имело место опережденная заторможенность, но это всего лишь последствие общей слабости. Чтобы окончательно вернуться к жизни, Марату требовалось лишь восстановить свои силы. А это было не так-то просто. Организм его был крайне истощен, долгая неподвижность атрофировала мышцы, все тело в пролежнях, кровь по сосудам бежала вяло. Зато его боевой дух оставался таким же крепким, как и прежде. И он был уверен, что эта лошадка вывезет его в боевой строй...

В июле его навестил командир бригады, в которой он служил. Полковник Осокин был рад увидеть своего подчиненного.

– А мне говорили, что ты не выкарабкаешься.

– А я, как видите, выкарабкался, – улыбнулся Марат. – Всем смертям назло. И Суходолу назло...

– Да, подставили вас, – помрачнел командир.

– Как там эта гнида поживает? Звезду, наверное, очередную получил?

– Да нет, так и остался генерал-майором. Но уже не служит.

– Что, на пенсию спровадили?

– Как уж бы. Генерал Суходол избран губернатором Западно-Сибирской области.

– Ничего себе... Что, заслуг много перед Родиной? – скривился в скептической улыбке Марат.

– Более чем. Одно уничтожение батальона чего стоит... – в тон ему ответил Осокин.

– Как же так, все же знают, что он целый батальон положил, а ему хоть бы хны. Губернатором вот стал.

– Знать-то знают, а доказательств нет...

– Как же нет? А я? А запись переговоров?

– Ты был в коме. Записи не сохранились. А все неудачи были списаны на происки чеченцев... Ну, еще Курбатова сняли с должности за провал операции. Но ему-то что, он сейчас у Суходола в администрации окопался...

– Хорошо устроились, гады. А нам приказано было умереть... Я-то выжил. А где комбат мой, где Извеков, где мои бойцы?..

– Все погибли, – тяжело вздохнул полковник. – Все, почти что без остатка. Две группы полностью уничтожены, из твоей только ты остался, да еще три бойца чудом уцелели. Рядовой Хабибуллин скончался от ран уже в госпитале, сержант Шумов остался без ног, ефрейтор Алабян был ранен в голову, как и ты. С тобой-то все в порядке, говорят, а у него полная потеря памяти...

– Представляю, как радовались «чехи»... Да, лихо Суходол их уважил. Наверное, много заплатили...

– Да дело не только в деньгах, – горько усмехнулся Осокин. – Ходят слухи, что генерал Суходол был завязан на поставках оружия для чеченцев...

– Думаете, удивили? Нисколько. У этого пса ничего святого нет... А откуда слухи?

– Да предвыборная кампания все выявила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.